

Матвей Снежный

СОХРАНИ МЕНЯ

Матвей Снежный

Сохрани меня

«Издательские решения»

Снежный М.

Сохрани меня / М. Снежный — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-960393-7

Джон Швецкий никогда не отличался открытостью — главной страстью у мужчины оставались убийства и те, кто их совершает. Новое дело пришло в руки быстро — убиты четыре женщины, не связанные ничем, кроме католической веры и особых увечий. А следом за новым делом в жизнь Швеца вошла очаровательнейшая Маргарита, которая, казалось, должна быть защищена от мира любым способом... Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-960393-7

© Снежный М.
© Издательские решения

Содержание

Глава 0	6
Глава 1	10
Глава 2	15
Глава 3	20
Глава 4	23
Глава 5	27
Глава 6	31
Глава 7	35
Глава 8	38
Глава 9	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Сохрани меня

Матвей Снежный

Корректор Андрей Ледов

© Матвей Снежный, 2018

ISBN 978-5-4496-0393-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 0

На черном, отполированном до блеска столе, лежали в ряд четыре фотографии. Пепельница теснила одну из них. Гора окурков медленно продолжала дымиться.

Швец смотрел на стол и пытался понять, каким образом могут быть связаны женщины на фотографиях между собой. Каждая из них, казалось бы, представляла определенный типаж, несовместимый с остальными. И оттого поиск связующего звена неумолимо ускользал от детектива.

Первая – Элен Картер, потасканная продавщица с клоками пережженных белых волос. Двое детей, муж-алкоголик, работа в допотопном продуктовом на углу дома в спальном районе. По словам свидетелей, она считала себя чуть ли не богиней, хотя являлась обыкновенной стареющей шлюхой, которую уже никто не трахнет в силу ее возраста и уродства – годы выпивки и жизни в среде низшего класса оставили свой след. Красное, вечно опухшее лицо, серые заплывшие глаза, капризно поджатые узкие губы. Когда Элен смотрела на кого-либо, ее взгляд загорался неприятным огоньком и, казалось, что она вот-вот скажет какую-нибудь непристойность, дабы развеселить окружающих.

У нее была всего одна подруга – ее сменщица, целая куча знакомых и вечно пополняющаяся записная книжка. Элен обладала талантом легко заводить знакомства, но не имела ни капли тактичности или подobia воспитания, поэтому с людьми у нее не выходило наладить долгий контакт. Женщине нравилось высмеивать чью-то внешность, выискивать недостатки в каждом и, приправляя свои слова изрядной долей желчи, выливать их, как помои. Только такие же, как она – стареющие и пропитые, потерянные для общества личности, могли стать ее приятелями. Казалось, в районе сложно найти таксиста или сутенера, не знающего Элен. Среди проституток она была звездой. Девочки часто забредали к «Маме Кар», чтобы послушать истории о ее любовных приключениях или узнать что-то новое для своей профессии. Коронным номером Элен считался ее «заглот», который она без капли стеснения демонстрировала, засовывая в рот любой длинный предмет. Если появлялась новая проститутка на Шестой улице, то девушку сразу же отправляли к Элен. Женщина смеялась, осматривала новенькую, и начинала ее «обучать». Это называлось так. Поэтому первые, кто пришел, когда мама Кар исчезла, были три потасканные девицы. Они жалобно выли, разнося участок. Разумеется, ночным гостям показалось, что виновата полиция. Но когда тело все-таки нашли, назревающий бунт среди проституток удалось подавить. Они поняли, что их враг не сидит в участке. Он бродит по улицам, отрезает пальцы и вырывает глаза. Говорят, что бизнес сильно упал – даже постоянные клиенты стали обходить притончики Шестой улицы.

Самое забавное, что отметил для себя Швец в биографии Элен, так это то, что женщина окончила педагогический университет и какое-то время преподавала химию. Интересно, все ли бывшие учителя в итоге опускаются до такой степени? Или Картер – исключение из правил? Как же из интеллектуальной одухотворенной девы вышла такая противная женщина? Что могло стать решающим толчком? Падение всегда начинается с чего-то.

Учитывая круг общения Картер, первыми, разумеется, были допрошены именно сутенеры и проститутки. Потом – стриптизерши и продавщицы, алкоголички и бывалые наркоманки. Никто ничего не знал. Никто не мог понять, кому захотелось залезть в те места и тронуть женщину, пользующуюся спросом.

Когда Швец переключал внимание на вторую потерпевшую, ему приходилось подавлять тошноту. Не менее отвратительный случай с такими же увечьями.

Мадлен Хартс, брюнетка, студентка колледжа искусств, отделение рекламы. Внешне она напоминала перекормленного ребенка с диатезом. Круглое лицо с алыми пятнами на щеках, относительно пышные формы, неумение (или нежелание?) следить за собой... На фотографии

молодая женщина улыбалась – к счастью, не показывая своих кривых зубов. От нее так и веяло безрассудным отношением ко всему, к чему только возможно.

Как стало известно из допросов ее окружения, мисс Хартс потребляла легкие наркотики, спала с чужими парнями, имела завышенную самооценку и иногда рисовала какое-нибудь уродство. Ее хорошо знали сотрудники венерического отделения главной больницы, в котором Мадлен неоднократно лечилась от очередного «сюрприза». Ее могла убить любая недовольная девица, с чьим кавалером пышка связалась. Но незадолго до смерти Мадлен ударилась в веру. Она перестала носить откровенные наряды, заигрывать со случайными знакомыми, употреблять алкоголь и наркотические препараты. На момент смерти мисс Хартс было двадцать лет. Ее нашли на въезде в центр, в переулке между частными клиниками. Удивительно, но убитая девушка не знала Элен Картер, хотя имела с ней нечто общее – беспорядочные половые связи и венерические болезни.

Швец бы не удивился, если бы маньяк выбирал только проституток или девушек, похожих на них. Но третий случай перечеркивал гипотезу напрочь, и заставлял детектива искать другое связующее звено.

Потому что третья – самая любимая фотография у Швеца. Он всегда с особой нежностью смотрел на ныне покойную Эмму Руд. Если бы Джон имел детей, то хотел бы похожую дочь.

Четырнадцатилетняя девчушка с вулканом огненно-рыжих кудрявых волос. Про таких, как она, говорили: «их поцеловало Солнце» – россыпь веснушек сияла так же, как теплые лучи небесного светила. Эмма была сиротой, проживающей у дальней родственницы, но это не влияло на чувства опекуны к ней. Родные не всегда относятся к детям с таким теплом, как Анжела к Эмме. И, несмотря на это, девчушка не была избалованной или наглой. Она так легко заводила друзей, что даже самые агрессивные ребята хорошо к ней относились. Эми могла поделиться чем угодно, прибежать на помощь, нарисовать лучший портрет или просто обнять того, кому грустно. В школе все ее обожали, начиная от одноклассников, заканчивая учителями, и смерть девочки стала настоящей трагедией. Около сотни человек пришло на похороны. Плач стоял такой, что, казалось, стекла в костеле треснут и разлетятся на тысячи осколков. Швецу звонили днем и ночью, умоляли, чтобы нашли урода, надругавшегося над подростком. Детектив одинаково приветливо здоровался, обещал помочь, и думал, думал, думал. Отрезанный палец, вырванные глаза, и больше – никаких следов насилия. Можно было бы списать случай на очередного маньяка-педофила, но девочка осталась невинной, половые органы не повреждены.

Четвертая – последняя жертва, Рианна Дэвис, темноволосая лесбиянка, проживающая со своей девушкой в одной квартире несколько лет. Обеим было по тридцать на момент происшествия. Ненси Рис, ее сожительница, покончила с собой несколько дней тому назад, не выдержав смерти возлюбленной. Дамы встречались на протяжении пятнадцати лет – познакомившись в школе, они больше не разлучались. Известно только то, что мисс Дэвис не отличалась коммуникабельностью, и друзей у девушки не было. Брюнетка всегда старательно избегала чьего-либо общества, что объяснялось запущенной социофобией. Любой человек для нее был потенциальной угрозой. Любой, кроме Ненси. Но и та не смогла ее защитить, когда Рианна пошла домой другой дорогой. По показаниям Рис, в тот вечер они разругались и решили добираться из центра каждая своим путем. После нескольких часов тишины девушка забеспокоилась, но телефон возлюбленной молчал. Посреди ночи Ненси вызвали на опознание. И несчастная не выдержала такой потери.

Допрашивать родственников Рианны не имело смысла – когда они узнали о том, что дочь не интересуется мужчинами, ее выставили из дома и лишили наследства. Смерть не изменила их отношения – господа Дэвис не соизволили даже явиться на похороны, аргументировав это тем, что их ребенок умер за пятнадцать лет до этого.

Швец смотрел на фотографии и курил, нервно зажимая сигарету чуть сильнее, чем нужно. Хотелось бы закрыть проклятое дело пораньше и надолго уехать куда-нибудь отдыхать, но мужчина не искал легких путей и не перекладывал ответственность на других. Каждый раз, когда появлялся интересный заказ, брюнэт рвался в бой, забывая о возможных рисках. Благодаря этому самому рвению к двадцати семи годам Швец имел около сотни шрамов на теле (включая четыре на лице), местами седые волосы и привычку спать с пистолетом под подушкой. Он прятал оружие в незаметных, но доступных местах – нож в спинке дивана, одна из выемок ножки стола – заточка, топор за шкафом... Даже в туалете, аккуратно в щели между плитками, лежал острый скальпель. Швец не считал себя параноиком. Он просто знал, насколько небезопасно существовать там, где нечем защититься в случае внезапного нападения. А, учитывая больше десятка закрытых дел, недоброжелателей мужчине хватало.

Женщины приходили и уходили, постоянная партнерша казалась чем-то фантастическим, вроде гномов из какой-нибудь детской сказочки. Все они были либо слишком слабыми, либо меркантильными, либо требовательными... Нормальных дам ему не попадалось. Можно, конечно, иногда напиваться в клубе или баре, попутно угощая незнакомку, которая утром уйдет, но секс как таковой не особо волновал детектива. А к мужчинам Швец, в силу своего воспитания и прошлого, не мог испытывать какого-либо влечения. Он презирал гомосексуалистов, считая их чем-то вроде грязи в десерте жизни. Так говорил батюшка Август. А его мнение выше любых законов.

Мысль об отпуске не хотела исчезать. Но Швец понимал, что на его счету не хватит средств на поездку даже в ближайший городок. Гонорары разнились от случая к случаю, в перерывах между ними мужчина подрабатывал где придется – счета появлялись с периодичностью раз в месяц, и оплачивать их приходилось самостоятельно. К счастью, квартирка на Третьей улице вмещала только одного, поэтому Шведу не нужно было делить свое личное пространство с кем-то. Мысль о том, чтобы какая-нибудь скотина высказывала доводы о вреде курения и провонявшей табачком мебели, пугала не хуже хеллоуинских страшилок и лучших фильмов ужасов. Еще Швеца периодически напрягали беременные – он ласково называл их «инкубаторами человеческих личинок» и всегда обходил стороной. На то, разумеется, были свои причины, которые крылись в первой детской травме.

Окурок медленно дотлевал в пепельнице, забытый своим хозяином. Мужчина надавил на него, заставляя окончательно потухнуть. Струя дыма растворилась в воздухе, обжигая глаза.

Картинка в голове упорно не хотела складываться: стареющая потаскушка, любвеобильная студентка, зашуганная лесбиянка и добрый ребенок. Что, кроме пола и нанесенных увечий, может быть общим?

Все четыре убийства совершены в разное время, в разных районах. Никаких записок, карт или чего-то подобного, что иногда оставляют маньяки в качестве опознавательного знака. Явно «свой почерк», но о чем он может говорить?

И, самое важное – никаких свидетелей. Там, где находили тела, камеры слежения отсутствовали. Правительство Гротхена только внесло законопроект, по которому система наблюдения должна протягиваться по всем главным улицам и самым криминальным кварталам. Вряд ли его одобрят – одному из «отцов» города не выгодно подобное. Да и Шведу тоже. Он, все-таки, не всегда законно решал дела, и отправляться в тюрьму не собирался.

Количество улик огорчало – Швец не был потомком великого Холмса, чтобы разгадывать самые сложные задачи. Никаких отпечатков пальцев, заметных следов, криков, свидетелей с мест преступления... Рука профессионала. «Ладно, потаскух не жалко... Но чем же, сука, тебя задел ребенок?» – думал брюнэт, расхаживая по комнате. Волосы лезли в глаза и раздражали. Тусклый свет уже надоедал одним своим мерцанием. Настенные часы смели заявлять, что время уже за полночь, пора бы прилечь подремать. Но Швец не имел права на сон, поэтому

раз за разом возвращался к своим размышлениям. Назойливая мысль о том, что не хватает одной детали, вертелась в голове и пронизывала сознание насквозь.

Круги общения всех четырех жертв не пересекались. Ни одного общего знакомого или родственника. Но с кем они могли контактировать в интернете? Возможно ли то, что убийца находил жертв в Сети, завязывал переписку, договаривался о встрече и затем убивал? Но в этом случае полиция быстро бы его нашла. Вычислить адрес по ip отправителя – занятие легкое даже для школьника. Тем более, вряд ли каждая убитая почистила переписку перед смертью. Значит, не подходит.

С другой стороны, маньяк мог из интернета добывать информацию о своих жертвах – социальные сети просто находка для преступника. Многие, не задумываясь, выкладывают десятки фотографий, номеров, примерных адресов и записей о себе. При желании, всем этим можно воспользоваться, планируя какое-нибудь злодеяние, даже не зная лично объект своих намерений. Современные технологии – хороший инструмент для любого.

Связующая нить имела право скрыться и в вере – как известно, все четыре жертвы являлись католичками. Не слишком набожными, но все же... Маньяк мог заметить каждую в церкви. Верующий убийца? А почему нет? Тем более, католик. Швец питал к ним особую, нежную неприязнь. Ему доставляло удовольствие дискутировать о сифилисе среди кардиналов, о кровавых Крестовых походах, роженицах в монастырях в эпоху Возрождения, инквизиции (а как же «возлюби ближнего своего?»), интригах вокруг Ватикана и, о, самая интимная тема – семейство Борджиа, что объединяло Италию, но и обрастало слухами. В связь между Чезаре и Лукрецией мужчина верил даже больше, чем в пресвятые табачные компании. А это уже многое значило для заядлого курильщика.

Музыка, кино, театры... Все четыре жертвы любили разное, их нельзя было встретить на одном мероприятии. Элен никогда не посещала культурных мест – ее интересовали замызганные кабаки, где на нее может найтись покупатель. Рианна старалась не покидать дома, а места скопления людей вызывали у нее панические атаки. Мадлен бегала по всем новым выставкам, каждый раз предлагая свои работы и получая отказы. Эмма ходила с приемной матерью на концерты классической музыки, на показы мультфильмов или доброго кино.

Болезни? Какие-нибудь медицинские показания? Элен и Мадлен наблюдались в венерическом – говорят, что у первой подозревали ВИЧ. Эмма была абсолютно здорова, и посещала раз в полгода медкомиссии от школы. Рианна время от времени пыталась работать с психотерапевтом, но каждый раз срывалась и исчезала с приемов. Но первые две жертвы точно не пересекались – допросы и данные говорят об этом. Информация, хранящаяся в медицинских картах, поступила едва ли не самой первой.

Еще одним вопросом, требующим ответа, были нанесенные травмы. Почему именно глаза и безымянные пальцы левой руки? Могла ли здесь быть какая-то психологическая или религиозная подоплека? Необходимо проконсультироваться со специалистом-теологом.

Швец не верил в случайности. Детектив знал, что связующее звено где-то близко, и чем скорее он его найдет, тем быстрее закроет дело и получит соответствующий гонорар.

Время приблизилось к утру. Небо посветлело, и самые первые лучи, которые так раздражали зрение, начали неугомонно пробиваться сквозь приоткрытые шторы.

За окном, на углу дома, стоял человек в темном плаще, с накинутым на голову капюшоном. Он внимательно смотрел на окна Швеца, стараясь запомнить детали. Затем, заметив приглушение света, незнакомец развернулся и медленно пошел по Третьей улице вдоль домов. Темная фигура скрылась среди новостроек именно в тот момент, когда детектив выглянул в окно.

Глава 1

Первый день октября выдался на редкость серым и дождливым. Свинцовое небо нависло над Гротхеном, то и дело пронизывая воздух громом и вспышками молний. Ручейки спешили по асфальту к канализации или ближайшей речке, ища себе подмогу в затоплении древних улиц. Люди прятались в своих домах, шумных барах, потертых магазинах и почти пустых библиотеках – словом, везде, где только могли оказаться. Большой город, казалось бы, замирал под властью разбушевавшейся стихии.

Отчаяние, скользившее по улицам в рваных башмаках, стучалось в головы прохожих, заставляя задуматься о сущности бытия. Кажется, именно в такие дни и совершается больше всего трагедий, а также берет начало в чьей-то голове экзистенциальный кризис. Впрочем, кое-кого это точно не касалось.

Она сидела в одном из уютных баров в европейском стиле, занимая угловой столик у окна. Красные перчатки небрежно ютились возле разноцветного меню на подставке, чашка ароматного крепкого кофе и тарелка с салатом «Цезарь» соседствовали у ее тонких рук. Девушка то и дело разглаживала нежно-голубое платье, подчеркивающее плавность черт ее фигуры. Назойливая светлая прядь постоянно выбивалась из высокого хвоста, но Маргарита не собиралась ее поправлять.

Она относилась к той странной категории невероятно чувствительных и ранимых девушек, скрывающих это за десятком выработанных временем защитных реакций и масок. Ей удавалось совмещать в себе любовь к кадрам снафф-фильмов и искусству, нежность к бродячим кошкам и ненависть к определенным людям, место в желтой газетенке и веру во что-то Высшее. Любимая музыка Маргариты состояла из тяжелого рока, фолка, менестрелей, средневековых мотивов, классики двадцатого столетия и бретонских народных. В ее гардеробе были и воздушные платья, и рваные джинсы с барахолки. В ней, казалось, собиралось все то, что могло быть в женщине – противоречивость, нежность, грубость, особая трогательность и ранимость. Блестящий ум не мешал невероятной чувственности. В жизни Марго питала две страсти: к странным мужчинам и рыжим девушкам. Последние постоянно бросали незадачливую любовницу, а от первых она убегала сама.

Очередной герой опаздывал – мисс Блэнк еще даже не решила, будет ли с ним спать или просто разговаривать вечерами. Пока что наглец задерживался минут на пять, но это причиняло некоторый ощутимый дискомфорт – подобное поведение больше присуще женщинам. Во всяком случае, по стереотипам.

Наконец, стеклянная дверь открылась, колокольчики звякнули и в светлое помещение с красными диванчиками и белоснежными столиками вошел мужчина. Несмотря на то, что Маргарита никогда не видела детектива, она была уверена – идет именно он. Дурацкое темное пальто, серый шарф, растрепанные волосы – несомненно, так мог выглядеть только известный Джон Швецкий, все его существо говорило об этом. Даже походка, выдающая смесь уверенности и наглости. Когда Швец приблизился, догадка подтвердилась.

– Простите, задержался. Дрянная погода, не выехать, – сказал он в свое оправдание.

– Ничего, – улыбнулась девушка. – Маргарита Блэнк. Вы, как я понимаю, Джон?

– Называйте меня Швецом. Мне так привычнее, – ответил детектив, чувствуя изучающий взгляд на себе. Да, выглядел он неважно: небритый, бледный, с темными кругами под глазами, в мятой рубашке и перепачканных брюках. Целую ночь провел за работой, но даме, скорее всего, этого не объяснить. Мужчина одернул себя – в честь чего он вообще должен ей что-то разъяснять? Они едва знакомы. Маргарита – всего лишь очередная дурочка, считающая, что может вытянуть информацию своим глубоким декольте.

– Я слышала, что дело Слепого доверили вам, – девушка сомкнула пальцы на чашке, после чего отпила из нее немного кофе. Швец мысленно отметил, что руки собеседницы напоминают паучьи лапки: неестественно тонкие и длинные, заканчивающиеся острыми когтями.

– Кого-кого? – переспросил детектив, отвлекшись от мыслей.

– О, Вы не знаете? Газетчики уже окрестили убийцу Слепым из-за того, что он вырезает глаза. Дурацкое прозвище, не так ли? Не понимаю, как эти коршуны растаскивают материал!

– Но Вы же тоже из прессы, – усмехнулся Швец. – Вам как раз-таки близки подобные вещи. Я должен дать интервью?

– Я с Вами встретилась не ради статьи.

– О, а ради чего? Пары ночей в экстазе?

– Фу, как пошло. Мне стало интересно, кто взялся за это дело. Связующих нитей не так много... И, мне кажется, я могла бы подсобить, – Маргарита прищурилась.

– Интересно чем? Покрасоваться и привлечь убийцу? – хмыкнул мужчина. Швец никогда не воспринимал всерьез журналисток.

– О, этим я не занимаюсь с юности, – поджала губы блондинка. – У меня полно собраний статей по этому делу.

– А Вы считаете, что другие не читают газет? – Джон одарил свою собеседницу еще одним насмешливым взглядом.

– А Вы не видите того, как изначально выглядят заметки журналистов, – напирала Марго.

– Они не представляют ценности.

– Ошибаетесь. Не у каждого полицейского такой острый глаз, как у хорошего автора. Некоторые детали порой ускользают при расследовании. Особенно, когда делом занимаются давно...

– Ваши доводы меня не убедят. Тоже мне, Синистер, – усмехнулся Швец.

– Потому что я – женщина? – вспыхнула блондинка, раздраженная тем, что детектив не собирался к ней прислушиваться. А ведь она действительно могла подтолкнуть его к разгадке!

– Потому что Вы хорошенькая женщина. И я с большей радостью бы Вас трахнул, чем слушал дальше, – спокойно парировал Швец, мысленно высчитывая, какой у Марго размер груди.

– Сомневаюсь, я по девочкам, – фыркнула она в ответ, ковыряясь вилкой в салате.

– А я по мальчикам, – усмехнулся Швец. – Передумаете – звоните.

– Могу сказать Вам то же самое. До свидания, Джон.

– Прощайте, Маргарита, – мужчина поднялся, махнул рукой и удалился.

Щеки девушки вспыхнули краской от праведного гнева. Да что этот индюк о себе возмнил?! Она могла бы написать о нем заметку, после которой к нему не пришел бы ни один клиент! Идиот! Самовлюбленный придурок! Какой-то гнусный детектив с самомнением размером с планету, фу!

А все-таки внешне он очень даже ничего. Нужно просто дать ему выспаться, расчесать и переодеть в чистое. Да. Тогда еще можно задумываться о каких-то непристойных предложениях.

В эту секунду Маргарита молча прокляла себя. У нее была привычка выбирать кого-то проблемного и вытаскивать его. Это отвлекало – тогда девушке не приходилось решать собственные проблемы, а заниматься чем-то полезным и добрым.

Расплатившись за свой обед, блондинка покинула бар. Теперь ее путь лежал на окраину, где оставалось неотложное дело, о котором не стоило знать кому-либо.

Тем временем Швец молча шел в полицейский участок – ему вот-вот должны были предоставить данные, необходимые для того, чтобы восстановить события последних дней жизни каждой из жертв. Одно время он даже там работал, но потом ушел из-за какого-то

недоразумения, о котором предпочитает не вспоминать. Полицейские не всегда оказывали Джону теплый прием, за исключением его бывшей однокурсницы, Лори Грей, неугомной девушки с обостренным чувством справедливости. Материнский инстинкт возник у нее слишком рано, поэтому она вымещала свою любовь и заботу на каждом. Благодаря мисс Грей у Швеца появился очаровательный зимний шарф в клеточку, который он даже не забывал носить. Единственное, с чем не повезло Лори, так это внешность: сломанный в драках нос сросся настолько ужасно, что представлял собой неясную загогулину, пухлые губы казались слишком большими на фоне остальных черт, маленькие пороссячки глазки постоянно вызывали жалость, а высокий лоб только дополнял картину. Черные волосы пачкались невыносимо быстро, поэтому девушке приходилось мыть их ежедневно, но к вечеру сальные пакли напоминали о себе. Она была влюблена в Джона какое-то время, что позволило ему побывать в архивах, куда обычным смертным вход запрещен.

В двадцатом участке на Карноби-стрит всегда пахло смесью пота, табака, кофе и жирной пищи. Звонки раздавались день и ночь, голоса смешивались, где-то звенел смех, кто-то плакал. В подвале в клетках неизменно сидели задержанные и ждали своей участи. Всего участок состоял из шести кабинетов, включая приемную на первом этаже. Нулевой этаж занимали четыре клетки и каморка охранника, в которую велась трансляция с камер наблюдения. Охранники дежурили по двенадцать часов – им разрешалось вздремнуть в течение часа и пообедать на рабочем месте. Офицеры, находящиеся в кабинетах, имели право курить и пить кофе, поэтому пепельницы находились на всех столах. Но есть у себя они не могли. Посетителям и подобные вольности запрещались. За исключением одного, открывающего дверь в участок.

Когда Швец вошел, ему сразу же помахала Лори, приглашая пройти за собой. Мужчина молча проследовал в указанный кабинет, не отличающийся ничем от других – полупрозрачные стены, часы на стене, несколько столов, стульев, шкаф и телефон. За столом, нервно вздрагивая, сидела женщина лет сорока, в черном строгом костюме. Морщинки в уголках глаз подтверждали ее возраст. Волнистые волосы пронзило сединой, кажется, совсем недавно. Некоторые пряди все еще отливали чернотой.

Лори махнула на нее рукой.

– Анжела Руд, опекун покойной Эммы. У тебя есть полчаса. Доведешь свидетельницу до слез – закрою на пару суток.

– Если посадишь к проституткам – буду только рад, – хмыкнул Швец и сел за стол, аккуратно напротив Анжелы. Смотреть на несчастную было неприятно – горе оставило сильный отпечаток на внешности и повадках. Казалось, женщина вот-вот разрыдается или упадет замертво.

– Здравствуйте. Меня зовут Джон Швецкий, я помогаю в расследовании убийства вашей подопечной. Вы не могли бы ответить на несколько вопросов?

– Я только и делаю, что отвечаю на вопросы. Никто еще не сказал, как мне дальше жить, если они забрали мою Эм! – Анжела поежилась, сдерживая очередной поток рыданий.

– Кем вам приходилась покойная Эмма Руд?

– Дочь моей племянницы. Ребекка умерла, родив ребенка. Муж от нее сбежал, паршивая псина! У Ребекки была только я, моя сестрица Анна скончалась от передозировки. Я заботилась о девочке с детства и до самого брака, и обещала, что смогу вырастить Эм. Видите ли, сама я была бесплодна, а детей хотела больше жизни. Малышка стала мне как дочь. Моя дочь... Моя маленькая, милая, – фраза оборвалась. Женщина глухо разрыдалась. Швец протянул ей платок, не понимая, как разговаривать дальше и что ему вообще стоит делать.

– Я понимаю ваше горе. Я здесь, чтобы помочь вам. Успокойтесь и мы продолжим, – на последней фразе он вдруг понял, что на месте Анжелы себе бы не поверил. Ну, вот какой толк от того, что ее десять раз спросят? Она и так, судя по всему, на грани нервного срыва или чего-то в этом роде. Если уже не сорвалась, конечно.

– Да... Да, – затихая, произнесла несчастная.

– Вы знаете, с кем общалась покойная? – Швец постарался смягчить тон, но опять вышло не слишком дружелюбно.

– Разумеется. Всех своих друзей малышка приводила домой... Их было четверо: три девочки и один мальчишка, забавный такой, тоже с веснушками... У меня сохранились их имена и адреса, если нужно.

– С кем виделась Эми в день убийства?

– Я не знаю. Но это точно был кто-то другой – ребята видели ее в школе... Она ушла в сторону дома, как всегда... Но не добралась...

Рыдания раздались с новой силой. Брюнет откинулся на спинку кресла и закурил.

– Как я понимаю, подозрений на кого-то конкретное у Вас нет?

– Какие подозрения? Эмми была чудесным ребенком... Она и мухи бы не обидела... Боже, мое дитя! За что Бог забрал мое дитя?! Она же тоже верила в него...

– Как часто вы посещали церковь? – резко сменил тему Швец.

– Каждое воскресенье, иногда Эмми ходила одна... Ей так нравилось величие соборов! Костелы привлекали ее внимание... Она хотела их рисовать... Моя девочка, моя бедная девочка! За что, Господи, за что?!

Швец вздохнул, приоткрыл дверь и позвал Лори. Девушка мгновенно подбежала к другу.

– Что? Ты все-таки довел ее до слез, паршивец?!

– Я не могу так работать. Поговори с ней сама, умоляю. Ты же женщина. Ты должна уметь нежнее обращаться с клиентами. Я не знаю, как успокаивать убитого горем человека.

– Я с ней уже разговаривала.

– Тогда отпусти ее! – чуть ли не заорал Швец, осознавая бесполезность ситуации.

– Ладно, – вздохнула Лори и прошла в кабинет. – Анжела, Вы можете быть свободны. Дальше я сама разберусь. Как что-нибудь изменится, мы дадим Вам знать.

– Да... Да... Спасибо, деточка.

Когда женщина покинула участок, Швец издал вздох облегчения и развернулся к своей подруге.

– А теперь рассказывай.

– Будто ты ничего не знаешь, – фыркнула брюнетка. – Если бы все было очевидно и просто, тебя бы не наняли.

– Спасибо, успокоила, – усмехнулся в ответ мужчина. – Я знаю, что вы не справляетесь без Швеца Великолепного!

– Можешь перечитать все показания. Больше ничем помочь не могу.

– Уговорила! – слишком наигранно поклонился детектив.

Лори рассмеялась, прошла к своему столу и вручила Шведу стопку бумаг.

– Развлекайся. У меня еще куча дел, – девушка хлопнула дверью и исчезла в веренице коридоров. Джон углубился в чтение.

«По словам свидетеля номер 3 (имя записано в отчете, перечеркнуть позже и исправить), последний раз потерпевшая была замечена на перекрестке возле булочной, где всегда прощалась с друзьями и продолжала путь в одиночестве. В среднем дорога от магазина до ее дома занимала семь минут. Владелец булочной не видел девочку, т. к. она прошла в другую сторону (Что ее повело?). Приблизительное время пребывания – 14:40 -14:50 (занести в отчет). Показания, данные свидетелями 1, 2 и 3 совпадают. Допрос продавцов магазинов округа не дал существенных результатов (Провести еще несколько допросов?).».

«Распечатка звонков и сообщений с номера телефона потерпевшей не дала результатов. Звонки только опекуну и школьным товарищам. (Ее

кто-то встретил на улице? Она общалась по домашнему? Сделать запрос в компанию, обслуживающую те дома. Срочно!!!)».

Данные, занесенные в официальные бумаги, совпадали с черновиками.

Стоило Швецу перевернуть очередной ворох листков, чтобы разобрать записки-черновики, как Лори вбежала в кабинет, снова громко хлопнув дверью и кинув в Швеца его же пальто.

– Собирайся! У нас новое тело.

Глава 2

Гротхен делится на пять административных районов, каждый из которых имеет свои особенности. Условно можно представить город как прямоугольник с вырезанным квадратом посередине – центром и четырьмя прилегающими фигурками районов.

В центре сосредоточена вся основная жизнь – ночные клубы, небоскребы офисные строения, дорогие дома, элитные магазины, издания двух старейших газет «Время» и «Космос», рестораны, закутки кофеен и библиотек. Последних в городе около сотни, в каждом районе по двадцать. Все библиотеки Гротхена маленькие, больше напоминают бары, где можно выпить стаканчик глинтвейна, читая классику. Бумажные формуляры заменили карточки, которыми открываются шкафчики с книгами и двери в особые отделы. Например, в архивы могут попасть только те читатели, которые имеют хорошую характеристику и зарегистрированы не раньше, чем за пять лет до попытки войти в архив. Работников в библиотеках мало, обычно это один администратор, уборщик и архивист. Жители столицы сами по себе отличались спокойным нравом, поэтому охрану нанимали только на время праздников или повсеместных сессий. Запах книг и вареного кофе застилал сонные улочки с восьми утра и окутывал его до обеда, пока в булочных не раскладывали свежий товар. Вечер же неизменно пах духами, табаком и пролитым вином.

Если двинуться от центра на юг, то можно попасть в ловушку высоток, а затем оказаться на выезде к океану. Чем ближе дорога к области, тем меньше новостроек и больше уютных коттеджей с садами, владельцы которых торгуют урожаем на рынке. Цены на фрукты и овощи здесь значительно ниже, чем в других районах города. Говорят, что устав от пыли башен, можно приехать сюда и подышать соленым воздухом пляжей. Это близко к истине – Гротхен почти встречается с побережьем и океаном, и дальше расположена только маленькая курортная зона.

На юго-востоке Гротхена, в третьем районе, располагается промышленная зона. Самая опасная, потому что именно в ней находятся основные базы нелегальных дельцов столицы. Несмотря на это, даже среди горсти заводов полно магазинов, домов, ресторанов и кинотеатров. В Гротхене своя мясная и молочная продукция, а также мебельное и текстильное производство. Одежда, созданная в этом городе, пользуется спросом по всей стране. Ежедневно тысячи рабочих спешат на фабрики, чтобы занять свои места. Ежегодно весь мир надевает тысячи платьев, маек и футболок, экспортированных из Гротхена.

Север Гротхена знаменит своими исправительными учреждениями и бедными кварталами, среди которых нельзя пройти ночью и остаться в живых. Трущобы переполнены придорожными проститутками, ворами-карманниками, наркоманами и алкоголиками. Когда-то в Северном было самое дешевое жилье, поэтому ветхие домишки расхватывали, как горячие пирожки. Но перестройка, которая происходила в семидесятые-восемидесятые, обошла стороной север так, как красивая девушка проходит мимо случайного прохожего. Дома начали разваливаться, а жители так и не научились работать. Падать оказалось проще, чем пытаться вылезти хотя бы в средний класс.

Если кто-нибудь из центра забредал в Север, то живым не возвращался.

Северо-запад города заполнил университетский городок. В Гротхене есть две большие академии, которые имеют свои общежития, колледжи, школы, парки и магазины. Первая академия обучает техническим специальностям, вторая – гуманитарным. Каждый год открываются новые направления, если набираются желающие. Таким образом, в колледже искусств открыли факультет рекламы, а в техническом – судовождение. Школы от академий рассчитаны на самый высокий уровень образования, поэтому туда попадают либо очень умные дети, либо хорошо обеспеченные. Столица всегда выпускала лучшие кадры для любой индустрии, и эта традиция не изменилась до сих пор.

Основная вера в Гротхене – католичество. Цепь соборов раскинута по всем районам, включая даже северный. Как ни странно, утренние субботние и воскресные мессы никто не пропускал даже среди осужденных. Другие вероисповедания не слишком популярны в городе.

Криминальный мир Гротхена делится на три составляющих: «короли», «беглецы» и «гости». Первые являются этакой элитой, управляющей делами в своих районах. Вторые – связующие с другими городами или между исправительными учреждениями (свои есть и среди конвоя, и среди постов полиции), третьи – самые нежеланные – чужаки. Чужаков из Гротхена уводят быстро, и не всегда по пакетам в багажниках.

Наркотические средства достать легко, если есть связь с Белоухим – «королем», частенько его называют «ковбоем» за внешний вид и повадки.

Белоухого всегда можно встретить в баре «Пьяный койот». Он занимает самый крайний стул у стойки, разглядывая разноцветные этикетки бутылок. Пьет виски или черный ром из низкого стакана, наполненного льдом. Иногда, когда Белоухому хочется легкости, он заказывает вермут, и смотрит, как в прозрачном стакане плещутся лимон и лед, залитые алкоголем.

Пшеничные волосы ковбоя всегда стянуты черной резинкой в небрежный хвост, чтобы не задевать лицо. Мятая клетчатая рубашка едва не сливается с кирпичной стеной, повторяя ее оттенки и изгибы. Мужчина курит правой рукой, сбрасывая пепел на пол. Из-за своей привычки он порой непроизвольно прикусывает губы, поэтому они всегда обветрены.

Лицо Белоухого – карта его судьбы. Сломанный нос с горбинкой – неудачная драка, в которой ковбой перепало осколком трубы. Шрам от края глаза до подбородка – упал с быка, когда отец возил семью на острова, чтобы показать жизнь современных фермеров. Там часто проводятся ярмарки, которые восстанавливали жизнь страны в начале двадцатого века, и среди прочих выступлений – отчаянные молодцы, которые пытаются победить разъяренных быков.

Усталый взгляд – Белоухий видел достаточно, чтобы в нем отразилась вся суть человеческого бытия. Невозможно понять, голубые глаза или серые, потому что они меняют цвет в зависимости от настроения. Когда кажется, будто взгляд мужчины – ледяная сталь, от него следует держаться подальше.

По своей натуре Белоухий не слишком плохой человек. Любит вестерны, пирожки с мясом, самые крепкие сигареты. Если ковбой помогает кому-то, он никогда не говорит об этом остальным. Он может молча прийти в больницу и погасить чей-то долг за лечение, предварительно узнав причины. Он может убить человека, обидевшего бездомное животное. Он может спасти девушку от нападающего, просто потому что ему мешает крик.

Белоухий имеет строгое правило – брать к себе на работу детей, чтобы избежать дополнительных проблем и не вытаскивать лишний раз кого-то из-за колючей проволоки. Сам мужчина сумел избежать срока, но что было в его юности – знает лишь Август.

Второй «король» – Лан, бывший киллер, способный «убирать» людей так чисто, что списки пропавших без вести пополняются с периодичностью раз в полгода. Ни разу не имел проблем с законом, из семьи «цветных». Не стоит объяснять, каким шоком стало для родителей то, с чем связал свою жизнь сыночек. Говорят, отец Лана застрелился после наведения справок, но эта информация никем не подтверждена. Настоящее имя убийцы неизвестно, внешность – тоже. Одни говорят, что Лан – высокий брюнет с карими глазами и адской усмешкой, другие – что он чистый ангел с полотен Возрождения, третьи сообщают, что если бы смерть была человеком – то у нее было бы его лицо.

Третий «король» – Август Люциус Второй, самый старший, имеет внуков. Если кто-то чужой появляется в городе – он уже знает о человеке все. Относится к Лану и Белоухому как к непутевым детям, готов помочь советом, но в делах жесток и строг. В свое время занял трон, уничтожив конкурентов. Среди «отцов» города живет дольше всех, предыдущий в его возрасте

был уже мертв. Говорят, Август вошел в структуру еще до того, как поделили районы. Но это лишь слухи.

На окраине северного района столпились люди. Между домами лежало тело девушки лет двадцати. Светлые волосы смешались с кровью и грязью, ужас застыл на остатках лица. Пустые глазницы вызвали отвращение у свидетелей. Кто-то в стороне блевал на асфальт, кого-то выносили. Пальто девушки было разорвано, серая блузка и платье перепачканы, на обеих руках отсутствовали безымянные пальцы.

Швец курил, сохраняя в телефоне свежие фотографии жертвы. Лори подошла к нему, когда накрытое простыней тело уже заносили в машину «скорой».

– Свидетелей, как всегда, нет, – просипел Швец через затыжку.

– Ты угадал!

– Приблизительное время смерти?

– Устанавливается. Никки предполагает, что прошло несколько часов. Тело остыло не сильно, глаз нет – не посмотреть на помутнения и «кошачий зрачок». Трупное окоченение пошло, но не достигло максимума – значит, сутки еще не прошли.

– Когда установят причину смерти?

– К ночи. У Стэна сегодня полно работы, – Лори вздохнула, глядя вслед отъезжающей «скорой».

– Как будет что-то известно – сообщи мне. И, ради всего святого, Ло, иди сразу устанавливать личность потерпевшей, а не за пончиками и кофе.

– Фу, злыдень! – девушка толкнула Швеца и подошла к машине. – Тебя подвезти или ты своим ходом?

– Да есть у меня парочка дел.

– Ну, как знаешь. Бывай!

Джон стоял и смотрел, как медленно удаляются полицейские, врачи, эксперты и зеваки. Единственное, чего он хотел – прийти домой и сопоставить все случаи снова, найти связующую нить. Все, что могло связать жертв – католическая вера и женский пол. Значит, стоит посетить собор, поговорить с падре, прихожанами. Возможно ли, что все они посещали один и тот же костел? Вероятность мала, но все-таки эту версию тоже необходимо разработать. Может ли убийца быть чокнутым католиком? Вероятно.

Но, несмотря на свои рассуждения, Швец снова взял телефон в руки и набрал номер далеко не священника.

– Салют, Август! Есть тема, нужно перетереть. Я в твоих местах. Окей, забери меня у проходной.

Через какое-то время подъехала машина, открылась дверь, и детектив оказался в мягком салоне авто. За рулем была девушка, которую он знал не первый год. Одна из любимиц Августа – Виктория, женщина, способная убить одним ударом. Ходили слухи, что несмотря на свою внешность, она не подпускала к себе никого ближе, чем на расстояние вытянутой руки. Да, Виктория была хороша: аккуратное личико, большие серые глаза с длинными ресницами, по-детски вздернутый носик и локоны каштановых волос. Ей подошла бы роль принцессы в мюзиклах или место в лучшем театре, но искусство она любила меньше, чем убивать. Она попала к Августу еще ребенком, когда ей было десять – сбежала из дома и приехала в большой город без денег и вещей. Мужчина нашел ее на обочине, замерзшую и голодную, и просто протянул ей руку. Девушка пошла. Уже тогда Виктория ничего не боялась.

– Что за маза?

– Дело у меня к нашему отцу. Тут тела по городу с выколотыми глазами и без пальцев находят, не знаешь, ваших рук дело?

– У нас другие методы, – отрезала шатенка, явно не горя желанием продолжать начатый ею же разговор.

Швец замолчал, предпочитая не смотреть в окно. Неважно, куда они едут – в его случае бояться нечего. Перед «отцом города» он никогда не косячил, и был одним из любимых, но потерянных детей. Когда Август подобрал Викторию, Швецу было четырнадцать. И он тоже находился под его опекой. Таскал пакетики с бумагами, деньгами, наркотиками, оружием – всем, чем скажут. Парнишка никогда их не вскрывал и не задавал вопросов. Да и смысла в этом тоже не было.

Когда мужчина умудрился задремать, то почувствовал легкую пощечину.

– Ваша остановка.

– Спасибо, Вики.

– Еще раз меня так назовешь – останешься без башки.

Брюнет усмехнулся и вышел.

Он находился на южной окраине, перед особняком, в котором Август любил отдыхать летом, если никуда не выезжал. Четырехэтажный белый дом с колоннами, просторным садом, двумя гаражами и конюшней занимал огромную площадь, сразу заявляя о материальном положении хозяина.

Из дома навстречу Швецу Август вышел сам. Он заметно поседел с последней встречи – теперь убранные в хвост длинные волосы сияли белизной издали. Черный джемпер сидел на нем так, будто его шили на заказ, что, скорее всего, так и было.

– О, кто к нам пожаловал! Проходи, дорогой. Не ужинал еще? У нас сегодня восточная кухня, но ради тебя я готов поручить Максу что-нибудь другое! Давно ты не посещал папочку. Вначале ужин – потом дела.

– Знаешь, я бы не отказался и от восточной кухни. Рестораны, наверное, плачут, зная, что ты выкупил Макса?

– А то! Но что ж мы стоим на пороге? Проходи, проходи, родной!

Мужчины зашли в дом, и, пока Швец раздевался, Август продолжал вещать в привычной ему манере, которая была доступна только для избранных.

– Девушку-то себе еще не нашел? Та журналистка – такая красавица! Порадовал бы старого друга, привел бы даму в дом! А то помру – даже дела передать некому, сплошные дурни вокруг! Слышал, что Лан учудил? До сих пор не могу простить мальчишку!

– А что с ним такое? – брюнет повесил пальто на крючок и пошел за Августом в столовую, занимать привычное место у окна. Была в этом доме такая привилегия у детектива – сидеть напротив «отца».

– О, до тебя еще не дошло? Подожди секундочку! – мужчина несколько раз звякнул колокольчиком, лежащем на длинном столе. – Римма, милая, накрыть ужин на две персоны!

Столовая представляла собой помещение с расписными стенами и лепниной на потолке. Между двумя окнами висела картина – репродукция «кающейся Марии Магдалины» Доменико Фетти. Пол устлала белыми коврами. Свет из окон мягко струился по столу и шкафчикам с сервизами и предметами коллекции – Август собирал редкие экземпляры по всему свету. Особую страсть он питал к подвязкам от чулок знаменитых дам.

Когда прислуга закончила сервировку, Швец взял палочки в руки и почувствовал урчание в животе. Да, к вечеру он все-таки проголодался.

– Так что же такого сделал Лан? Ты любил его больше меня прежде, – не без доли обиды в голосе произнес мужчина.

– О, ты вне конкуренции! Так вот, этот маленький кретин, если ласково его называть, завел шашни со своей жертвой! Представляешь? Спит со своим заказом в одной постели и думает, что об этом никто не знает! Придется решать проблемку. Хотя жалко мне мальчика – знаешь же, что он прежде никого не любил.

- Кто она?
- Он, – отрезал Август, холодея. – Теперь ты понимаешь масштаб катастрофы? Один из «королей» города – петух! Что он позорит семью, Лан, конечно же, не подумал.
- Его место скоро будет свободно?
- Да, скорее всего оно перейдет тебе или Вики. Хочешь стать новым «королем»?
- Для этого придется убрать Лана и его подстилку?
- Разумеется. Просто так подарки не раздаются, знаешь же.
- Я подумаю. Но у меня к тебе другое дело есть.
- Я слушаю.
- Пять мокрух. Вырезаны глаза и пальцы. Все тела женского пола. Католички. Последнее тело было в твоём районе. Это ваши мутки или нет?
- О, ты про дело Слепого? – оживился Август.
- Именно. Мне изменить вопрос? – усмехнулся Швец, закуривая. – Мне дальше копать или нет?
- Мои ребята не режут женщин просто так. Да и работа сделана дилетантски, ты же знаешь наши методы.
- Один в сердце и контрольный в висок, – нараспев ответил Джон, припоминая истину, которую ему вбивали с малых лет.
- Это все?
- Да.
- Подумай над моим предложением, пока я не сделал его Вики. Уж она-то своего не упустит, – усмехнулся Август.
- Я знаю, пап.
- Тебе деньги нужны?
- Нет, я сейчас в норме.
- Тогда я скажу тебя отвезти домой. Будь внимателен, ладно? Когда заварушка с Ланом начнется, сотня людей ляжет, – тон Августа резко похолодел. – Убрать могут и тебя, и меня, и всех, кто полезет не на ту сторону.
- Спасибо, я помню, как выбирают «короля».
- Ну что же, удачи, сын мой. Звони, если что, – улыбнулся Август, а после добавил, абсолютно спокойно, – У тебя есть три дня на принятие решения.
- Хорошо.
- Швец поднялся, почтительно поцеловал руку Августу и ушел. Машина уже ждала у ворот.
- Джон не знал, что его ожидает еще один сюрприз – прямо на пороге его замызганной квартиры.

Глава 3

Маргарита смотрела на стопку бумаг, разложенных перед ней и молча проклинала главного редактора, озадачившего ее поиском сплетен про очередную возлюбленную одного из промышленных магнатов. Фотографий, снятых папарацци, было недостаточно. Требовалась очередная кликбейтная статья, которая заставила бы домохозяйек с горящими глазами нажимать на заголовок и с упоением читать грязную ложь.

Кроме того, в голову постоянно лезли мысли о самовлюбленном детективе, с которым она недавно встречалась. Как он посмел с ней так разговаривать?! Как этому оборванцу вообще хватило духу так отвечать ей, Маргарите Блэнк, одной из самых красивых женщин Гротхена?! Ее фотографию даже печатали на обложке глянцевого журнала – с историей о том, как маленькая эмигрантка стала автором в крупном издании. После того случая были звонки из модельных агентств, но, как только они слышали возраст, вздыхали и сами клали трубку. Конечно, в двадцать пять уже поздно! Она считалась старухой на фоне четырнадцатилетних длинноногих девчонок, поподавших подиумы всего мира. Ни одно издание не было готово к перевороту индустрии.

Маргарита закрыла глаза, сжав в руках карандаш, пытаясь задуматься о работе. Офис привычно гудел. Недалеко от ее рабочего места шумел кондиционер, поддерживающий прохладу. Через стол дизайнер ругался с копирайтером из-за подписей к макетам. «Грязная шлюха!», «Тебе это место досталось через постель!», «Да ты свои макеты тем самым местом делаешь!», «Господи, да тебя давно пора уволить, как тебя еще держат?!», «Могу спросить то же самое!».

Маргарита усмехнулась. Она никогда не участвовала в офисных спорах, предпочитая улыбаться всем коллегам. В глубине души она считала их всех мерзкими, ворчливыми и грязными созданиями, что портят ей жизнь одним своим существованием. Но истинное отношение к коллегам пряталось за привычной маской, и никто бы не подумал, что Марго, которая принесла в офис коробку пирожных для всех, мысленно желает каждому подавиться.

Наконец, отложив все вырезки в маленькую коробочку, девушка улыбнулась. Идея пришла в голову совершенно внезапно – она может покорить грубого детектива своей мягкостью, перед которой еще никто не устоял. Адрес Швеца, скорее всего, знает его подружка Лори. Учитывая, что об офицерше ходили слухи как о большой обжоре, Маргарита знала, чем можно ее подкупить – несколько фирменных пирожков с картофелем, мясом и сыром, и нужная информация будет получена.

Бросив наработку о несчастном магнате, девушка поднялась со стула, накинула на плечи черное пальто и вышла из офиса.

Ледяной ветер привычно ударил по лицу, напоминая о предстоящих заморозках. Среди огромных офисных стеклянных зданий Маргарита чувствовала себя такой крошечной, будто весь мир – настоящий, а она – игрушечная. Гротескность ситуации подчеркивала архитектура. Кому вообще взбрело в голову возводить чуть дальше центра небоскребы, среди старинных резных зданий восемнадцатого века? Кто решил снести все прятничные домики местных жителей, чтобы выгнать их в высотки-новостройки, а их привычные рабочие места в маленьких магазинчиках заменить на полированные столы в стеклянных коробках-муравейниках? Здание, в котором находилась контора «Бульвар мэгазин», считалось самым высоким на материке. Еще бы! Почти сто этажей бессмысленных компаний, баров, офисов и представительств. Если Маргарита обитала на первом этаже, вздыхая о том, какие виды открываются работникам верхов, то знаменитая «Уордсон и Ко» владела большей частью всех построек.

Погода, как назло, решила испортиться и вымочить белоснежную шифоновую блузку. Чертыхаясь, журналистка семенила по улице вдоль компаний-конкурентов, надеясь скрыться

в ближайшем переходе. Стук каблучков исчезал в шуме проезжающих мимо машин, и одна, едва не обрызгав Маргариту, притормозила рядом.

Из ярко-черной иномарки выглянула девушка. Маргарита обомлела, увидев Викторию Уордсон – она оказалась еще красивее, чем на паршивых снимках. Если бы Лилит могла войти в мир людей, то выглядела бы именно так: идеальный профиль, серые глаза с пушистыми ресницами, узкие поджатые губы. От Виктории пахло смесью дорогих духов, и из приоткрытого окна этот запах почти глушил нюх Маргариты.

– Вас подбросить? – улыбнулась мисс Уордсон, нагло разглядывая журналистку.

– Ох, было бы неплохо! – просияла Марго. – Мне нужно на Третью улицу, к полицейскому участку. Может, Вы знаете...

– Да, нам по пути, – перебила Ви, открывая дверь, – Садитесь!

– Благодарю! – выдохнула Маргарита, спрятавшись от разразившегося ливня в уютном салоне авто. Она сразу же отметила, как сильно различается одежда на ней и на собеседнице – если строгое черное платье Виктории было от известного дизайнера, то шифоновая блузка и темно-синяя юбка Маргариты стоили дешевле, чем маникюр мисс Уордсон. Чувствуя очевидную разницу в положениях и социальных слоях, журналистка смутилась. Она не знала, о чем можно разговаривать с человеком уровня Виктории. Кажется, девушка так побледнела от волнения, что это увидела ее спасительница.

– Господи, да не пугайтесь Вы так! – рассмеялась Виктория. – Я заметила, что у Вас нет зонта, мне стало Вас жаль, не более того. Вы едете в участок из-за дела Слепого, да?

– Да, хочу пообщаться с полицией. Я пыталась достать информацию из детектива-помощника, но он такой неприятный тип! – вздохнула Маргарита, вываливая свои накопившиеся эмоции. – Представляете, я ему о деле, а он меня в постель зовет! Говорит, что лучше трахнул бы меня, чем со мной разговаривал! Все потому, что я, видите ли, хорошенькая! Не воспринимает меня всерьез! Этот оборванец! Да у него пальто было стирано, наверное, только при его рождении, и все, то был последний раз! Так он еще и опоздал! Мне, мне, журналисту со стажем, пришлось ждать какого-то самовлюбленного индюка! С ним невозможно общаться! Я даже не знаю, как с ним полиция общается! Просто мерзость! Такая мерзость! Я чувствую себя оскорбленной и испачканной! Мне банально хочется отмыться!

Виктория усмехнулась, слушая излияния Марго. Девушка знала, что Швец встречался с этой дамочкой, но не слышала их разговора. Именно поэтому она уже несколько часов каталась по улицам, ожидая, когда мисс Блэнк выйдет и, может, выдаст необходимую информацию. Виктории даже не пришлось применять каких-то психологических техник или привычных манипуляций – Маргарита была до того разгорячена, что сама ей все вывалила.

– Нет, Вы можете себе это представить?! – продолжила гневную тираду журналистка. – Я хотела добиться сотрудничества! Принесла ему, значит, вырезки и черновики из нескольких местных журналов, а он меня за проститутку принял! Вот как, по-Вашему, я похожа на женщину легкого поведения?! Похожа?!

– Нет, – улыбнулась Виктория, сворачивая на повороте и наблюдая за сигналом светофора. Дворники размазывали по лобовому стеклу тарабанившие капли, мешая обзору.

– Вот и я думаю, что нет! Ой, подождите! – спохватилась Маргарита, глядя на себя. – Я забыла в здании свою сумочку! Можно я здесь выйду?

– Все в порядке, я Вас довезу.

– Но Вам придется возвращаться! Я и так потратила Ваше время! – виновато пропищала журналистка, комкая между пальцев дешевую ткань своей юбки.

– Марго, – понизила голос Виктория. – Я же могу называть Вас Марго?

Блондинка уверенно кивнула, поджав руки.

– Я прекрасно понимаю Вашу забывчивость. После встречи с Джоном Швецким я бы, наверное, была еще более растерянной и разозленной, чем Вы, – Ви снова одарила свою спутницу ослепительной улыбкой, и Маргарита покорно кивнула.

Довольно быстро мисс Уордсон вернулась к исходному пункту и осталась ждать, пока журналистка сбегает в здание за своими пожитками. Прикрыв глаза, Виктория медленно закурила. Дождь не собирался прекращаться и отбивал чечетку на ее новенькой машине. Табачный дым резанул глаза, заставляя прищуриться и включить кондиционер.

Мисс Уордсон смотрела на стеклянные здания, как на свои владения. Ее воспитатель, Август Люциус Уордсон, мог оставить в наследство все эти хоромы только ей. Родная дочь старика жила слишком далеко, не интересовалась бизнесом и, кажется, обожала домашнее фермерское хозяйство. Куда этой деревенщине – кажется, Аннушке – до нее, Виктории? Ви обожала себя. Ей нравилось чувствовать превосходство даже над этой маленькой журналисткой, явно немеющей только от самого имени Виктория Уордсон.

К слову, блондинка уже бежала обратно к машине, размахивая на бегу объемной черной сумкой-шоппером.

– Извините, что задержалась! – выдохнула Маргарита, плюхнувшись обратно на переднее сидение.

– Теперь ничего не забыли?

– Нет! – радостно провозгласила Марго. – Как Вы думаете, Лори будет поговорчивее?

– Лори? – шатенка едва сдержала гримасу отвращения, вспоминая об офицерше. – Она довольно общительная, я бы сказала, что слишком. Уверена, что с ней Вы поладите.

– Ну слава богу! – выдохнула Маргарита. – А то все никак из головы не лезет этот мерзкий Швецкий! Я уже побоялась, что они там все такие!

– Даже женщины? – усмехнулась Виктория, заново проезжая светофор на повороте.

– Естественно! Они же из этой же сферы! Кто знает, какая профдеформация у них?

– Святая простота, – улыбнулась мисс Уордсон и резко затормозила. – Приехали.

– Ой, да, правда, – растерялась журналистка, глядя на двери участка. – Спасибо, что подвезли! Если я Вам понадобится, то я работаю в «Бульвар мэгазин»!

– Конечно, – кивнула Виктория, наблюдая, как Марго покидает машину и исчезает в дверях участка.

– Мерзкий, значит, – хмыкнула она, уезжая.

Глава 4

На лестничной клетке, аккуратно под коричневой блестящей дверью квартиры Швеца, лежала черная небольшая коробочка. На крышку кто-то приклеил маленькую записку.

Мужчина поднял находку, прочел слова на клочке бумаги и не сдержал усмешки. «Надеюсь, Вы окажетесь более лояльны ко мне после просмотра этих записей. Ваш адрес мне оставила Лори за пару пирожков. С уважением, Маргарита».

Детектив прижал к себе коробку, повозился с ключами, открыл дверь и прошел в квартиру.

В нос ударила привычная вонь застоялого табачного дыма и пота – окна Джон периодически забывал открывать, а, находясь в помещении, принимался и не чувствовал никакого запаха. Ему жутко не хотелось разбирать чужие кривые заметки, возиться с чем-то, снова искать нить и составлять хотя бы приблизительный портрет неизвестного преступника. Кажется, что скоро Швец готов будет сдать и всерьез задумается о месте Лана, лишь бы больше никуда не бегать и ничего не искать. Деятельность утомляла.

Отправлять своего «брата» на небеса? Жестоко, но власть не получить, не идя по головам. Тем более, в той среде, к которой он хоть и косвенно, но все еще относился. «Вход – монета, выход – вперед ногами» – говорил Август, при этом как-то странно и нервно посмеиваясь. Отец (как мысленно Джон давно окрестил своего воспитателя), еще говорил о том, что у человека структуры не должно быть ни семьи, ни привязанностей, иначе он протянет ноги. Но при этом у самого Августа была взрослая дочь, жившая на другом конце материка.

Все же, в сложившейся ситуации, одна деталь смущала мужчину больше, чем убийство себе подобного. Эта самая деталь могла стать причиной отказа от теплого места «короля», высокого дохода и положения в обществе. Эта деталь начинала разъедать мысли с того момента, как предложение было озвучено. Эта деталь зудела свежей ранкой, которую так и тянуло расчесать.

Соперничество с Викторией. Кровавое соперничество. Девушка не остановится ни перед чем, в отличие от него. Шатенка так воспитана. И, в отличие от него, она более холодна и жестока. Так что стоит либо идти на контакт и договариваться, либо покупать бронезильт и не выходить из дома, расставив повсюду ловушки. Она была абсолютно неуправляема и непредсказуема.

Швец помнит лицо Виктории в тот момент, когда он сказал, что уходит учиться на юриста, и собирается стать детективом. Мужчина отлично помнит удар ножом под ребро, брошенное в лицо «не брат ты мне, цветастик», и взгляд, переполненный болью и ненавистью. Ви решила, что Джон предал «семью», выбрав свой путь. Для нее это стало потерей. Для него – первой, так и не начавшейся любовью.

Швец любил Викторию на протяжении десяти лет. Он ни разу не говорил ей об этом. Да и смысла не было. Подобные чувства – помеха в делах. Как бы Джон смог Ви это сказать? Держать нож в горле человека, разворачиваться и кричать: «Кстати! Я люблю тебя! А теперь кинь мне пакет!»? Оставлять записку? Звонить? Не было ни возможности, ни шанса. Виктория интересовалась способами убийств больше, чем отношениями с кем-то.

Пальцы нервно сжимали сигарету, пока голова разрывалась от мыслей. Когда мужчина успел закурить он уже не помнил. Пепел сыпался на пол, дым окутывал комнату и резал глаза. Швец на секунду задумался о проклятых закрытых окнах и вонючих окурках повсюду, а затем вернулся к беспокоящим его вопросам.

Скорее всего, Август уже озвучил предложение и своей любимой подопечной. Впрочем, есть вероятность того, что старик еще не выжил из ума, и не будет сталкивать бывших «родственников». Или будет? Ради красивого боя? Ради забавы? Ради собственной выгоды, извест-

ной лишь ему? Они оба – его воспитанники. Но у Виктории больше прав на этот «трон» – она чистый боец, игрок в системе. Джон – «серый кардинал», которого ненавидят обе стороны. Первые считают его крысой, вторые – лживым подлецом. И никто не задумывался о том, что все их зыбкие порядки держатся на том, что детектив ищет нарушителей, беспокоящих и полицию, и теневой бизнес.

Записки журналистов лежали в коробке мертвым нетронутым грузом. Швец поставил их на стол и свернулся на диване, не раздеваясь, не желая продолжать мыслительный процесс, зная, что дальше последует поход до ближайшего бара или магазина, и после его уже никто не отыщет, как этого самого маньяка, поиском которого занят сам детектив.

Периодически Швец был подвержен меланхолическому настрою. Несмотря на свою живость, любовь к авантюрам, загадкам, приключениям, как и все простые рабочие, он уставал. Позади была примерно треть жизни, которую детектив ощущал едва ли не половиной. В двадцати семи годах существования было почти все, что может составить интересную биографию, которую растащат на статьи, книжки и телепередачи.

Он рано ушел из дома – ему было двенадцать в тот момент. Белокурый, нежный, похожий на мать как две капли воды, Джонни сел на первый поезд, который пришел к вокзалу в ту ночь. Отчим зарезал Льюис и изнасиловал уже мертвое тело на глазах пасынка. Вся кухня залилась кровью, белые гольфы провоняли и прилипли к ногам, пока ребенок давил тошноту. До этого момента он не знал, что существует другой мир, взрослый, где нет мягкой пелерини чьей-то опеки. Все проблемы упирались в то, какой десерт будет вечером, как решить сложную задачку по математике и подsunуть девочке шоколадку в портфель (не ради ухаживаний, а просто чтобы она улыбнулась). Жестокость и грязь существования больно резанула по глазам и отдалась рвотным рефлексом. А потом Джонни бежал. Джонни бежал так быстро, как мог, покидав в серенький рюкзачок несколько вещей, даже не переодеваясь и не ища подмоги. Монстр, перепачканный в крови его матери, ухмылялся и смотрел на мальчишку так сально, что становилось тошно только от этого взгляда, который он ловил на себе. Джонни не помнил, как выскочил из окна, подвернул лодыжку, оказался на вокзале, и как ему помогала отмыться какая-то девочка в поезде, сказавшая контролерам, что он ее брат, и билет у отца. Пока этого самого отца нашли, белокурый юнец уже успел сойти с поезда и увидеть белые колонны вокзала Гротхена.

На вокзале противно воняло псынами, но Джонни научился подавлять нюх и спать под стульями в зале ожиданий. Сбережений при себе мальчишка не имел, поэтому на третий день едва стоял на ногах. Он не знал, куда бежать, к кому обращаться и что делать. Сидеть и реветь не было сил. Мир оказался слишком враждебен к забытым богом детям. Молиться мальчик пытался, но в такие моменты на него натыкались какие-нибудь дотошные взрослые, решившие, что он – бродяжка-сирота.

Однако Всевышний вспомнил про Джонни. На четвертые сутки ребенок все-таки упал. Посреди дороги. На дорожную машину. Эта машина принадлежала Августу Люциусу Второму – старейшему «королю» города. Мужчина взглянул на Джонни и, несмотря на свою жестокость, решил, что не даст мальчишке просто так умереть. У Джонни появился дом, учителя, новая семья. И жуткая страсть к загадкам. А после, уже в четырнадцать, малец получил новое имя. От белокурого нежного Джонни не осталось и следа. Теперь его звали Джон Швецкий или Швец – парень, способный с пятидесяти метров попасть в висок, и сказать по внешнему виду, что человек делал за день или как он собирался. Именно тогда изменился и взгляд – былая мягкость ушла. Швец стал подрабатывать курьером – носил разные пакетики, о содержимом которых знал, но никогда не спрашивал. Лишние вопросы привлекают проблемы. Джон это усвоил так же хорошо, как и устройство пистолета.

В один прекрасный день Август привел Викторию. Сердце Швца сжалось. Она была голодной и замерзшей, но в ней уже тогда ощущался некий стержень, которого не было

у Джонни. Дерзкая, наглая, любознательная и колючая – Вики сразу пришлась по душе Августу. «Отец» говорил, что родись он женщиной – получилась бы именно эта девчушка. Виктория схватывала все на лету, быстро привыкала к каким-то обстоятельствам и никогда не жаловалась. Казалось, что она вообще не испытывает эмоций. Швеец видел только один раз, как шатенка плакала – тогда, еще в двенадцать, она принесла сбитого машиной котенка и не смогла спасти. Возможно, именно в этот момент будущий детектив в нее и влюбился.

А потом пришло время выбирать – Август оставил им право управлять собственной судьбой. Швеец понял, что хочет расследовать сложные дела, стать новым культом своего времени. Виктория осталась в структуре. После того, как парень выбрал путь, «сестра» ему больше не звонила.

Несколько лет в университете, постоянные драки, пьянки, случайные встречи – все произошло слишком быстро. Стрельба в полицейском участке, пуля в плече – меньше надо было говорить все подряд, реки крови... Швеец вошел во вкус. Миновало четыре года. Джону исполнилось двадцать семь. Он закрыл дело о «Кошачьем ангеле», взял «Слепого». Жить хотелось меньше и меньше. А известность росла.

Записка от Маргариты тянула любимыми духами Виктории. Именно поэтому запах показался таким родным и знакомым.

Швец не мог уснуть, несмотря на усталость. Мысли жужжали в висках, выбивали новый ритм пульса. Разбирать дальше дело или позвонить Виктории, впервые почти за десять лет? Она не слишком обрадуется звонку. Может, даже прострелит ему что-нибудь – Вики способна, в этом сомнений нет. Девушка вцепится в возможность – власть отдавалась сладковатым привкусом на ее окровавленных губах, когда пальцы сжимали оружие, и не обязательно огнестрельное.

Но если она займет место Лана, то Швеца может не стать.

Непослушными, дрожащими пальцами мужчина все-таки набрал до боли знакомый номер.

– Здравствуй, Ви.

– Доброй ночи, детектив. Чем-то могу помочь? – голос в трубке был таким холодным, что, казалось, от телефона исходит ледяной ветер.

– Да, мне нужна срочная личная встреча. По делу.

– Боюсь, детектив, в столь позднее время я занята.

– Это касается Лана.

– Вы обитаете по прежнему адресу?

– Да, дорогая. Мне Вас ждать?

– Буду через час. Советую подумать, действительно ли разговор стоит моего визита.

– Непременно. Отбой.

Швец перевел дыхание, отложил телефон и рассмеялся нервным, истеричным смехом. Тишина разрывалась от вскриков, перебитых всхлипами.

Второй раз за всю свою жизнь Джон Швецкий расплакался. Он завыл в голос, как подбитый зверь. Все невысказанные чувства, слова, копившиеся много лет, водопадом хлынули из глаз солеными каплями.

Сейчас он увидит женщину, которую любил больше, чем мать, а она его ненавидит. Каково это – смотреть в глаза, зная, что кроме дел вас больше не связывает ничего? Каково им, обычным людям? Они тоже испытывают чувство маленького взрыва внутри? Им тоже кажется, что они умирают? Их тоже дробит на тысячи осколков?

Джон не знал. И, пожалуй, знать не хотел. Своей трагедии ему было достаточно, чтобы задумываться еще и о чужих.

К счастью, Швецу хватило времени привести себя в порядок перед приходом Виктории.

Шатенка приехала ровно к указанному ею же времени, небрежно сбросила пальто в прихожей и прошла в комнату, которая служила заодно и рабочим кабинетом детектива. На Виктории было надето изумрудное платье очаровательного кроя: открытые плечи, подчеркнутая пояском талия и юбка-солнце. Вики носила юбки не из любви к женственному образу – под ними девушка могла разместить целый арсенал различного оружия, от заточек до пистолета. Первые пользовались особой, нежной любовью – удобные, острые, режущие не хуже ножа, идеально подходящие под ладонь.

– Итак, детектив, что конкретно Вы хотели со мной обсудить?

– Август предложил мне место Лана. Если я не соглашусь, то через три дня оно твое.

– И что ты хотел услышать в ответ? – усмехнулась Виктория.

– Ви, забудь на секунду формальности. Детективная деятельность меня измучила. Но вставать во главе структуры – огромная ответственность. Ты можешь рассказать мне, чем занимается Лан и его «отделение»?

– А что мне за это будет? Информация бесплатной не бывает, – девушка закурила, глядя нагло и открыто.

– А что ты хочешь? Могу тебя трахнуть на этом же столе, – Швец усмехнулся, – Ты же не просто так вырядилась перед визитом ко мне.

Через секунду тонкая, нежная рука сжала горло мужчине так, что он не смог вдохнуть. Прежде чем детектив успел подумать, сработала защитная реакция, и брюнет откинул Викторию, после чего ощутил в мочке уха заточку. Ухо саднило и кровило, но азарт, потерянный азарт ближнего боя, захватил обоих. Клочки одежды, смешанные с кровью, полетели по комнате. В драке девушка напоминала дикого зверя – обстоятельства заставили ее научиться сражаться до последнего, забывая соперника насмерть. Обида, так долго хранимая внутри, выплескивалась с каждым ударом.

Неизвестно, чем бы все закончилось, если бы в один момент Швец не рассмеялся и не обнял Викторию. Шатенка замерла и затихла, то ли выжидая, то ли удивляясь.

– Я жутко по тебе скучал, Ви.

– А я – нет.

И очередная заточка воткнулась в спину Швеца. Он закрыл глаза, успел усмехнуться и потерял сознание.

Глава 5

Как выяснилось, Лори действительно оказалась разговорчивее и милее Швеца. Маргарита с улыбкой вспоминала их встречу – офицерша сразу предложила госте мягкое кресло, плед, чай и пончики. Они коротко обсудили Джона, и, как показалось журналистке, Лори слишком тепло относится к детективу – будто к сыну или младшему брату. Она несколько раз повторила, что Швецкий может быть совершенно отвратительным, невыносимым, грязным мудаком и извращенцем, но он потрясающе решает любые загадки и занимается работой даже тогда, когда все остальные спят. Еще Лори с дрожью в голосе поведала, что Швец может ошиваться в участке в праздники и выходные, потому что он настолько привык к одиночеству, что не знает, как может быть иначе. Послушав истории офицерши, мисс Блэнк явно смягчилась к детективу. Да, их первая встреча прошла пренеприятным образом, но что можно требовать с человека, который вряд ли спал последние несколько суток, да еще и допрашивал родственников несчастных жертв?

Журналистка посмотрела на стеклянный отполированный столик, за которым работала, и улыбнулась. Все-таки, стоит попробовать завязать общение с детективом поближе, а ее маленький сюрприз, скорее всего, уже распакован. Интересно, как Швец на него отреагировал? Заметил ли, что записка надушена цветочными духами? Почувствовал ли остатки тепла ее груди, к которой она нерешительно прижимала коробочку, стоя под заветной дверью, и боясь каждую секунду, что он ее поймает, будто она совершает какое-то страшное преступление? Позвонит ли он, чтобы назначить новую встречу, признать свою неправоту?

Собравшись, Маргарита выдохнула и достала из сумки свой нетбук. Сроки сдачи очередной отвратительной статьи горели, поэтому ей пришлось заняться ненавистным текстом про магната и его любовницу.

Когда она закончила, из офиса уже все ушли. В холодном помещении выключили половину освещения, и только тусклый свет фонаря с улицы мог подарить какое-то ощущение уюта. Маргарита медленно собралась и откинулась на спинку жесткого пластикового стула. Все-таки, ее начальство старалось экономить на всем – кондиционер включали крайне редко, и на сотню квадратов он был один. Расставив красивые прозрачные столы, они не удосужились добавить перегородок, чтобы помещение не напоминало пародию на школьный учебный класс. Жесткие светло-голубые стулья из пластика продавались в мебельном по акции, поэтому оптом стоили не дороже трех чашек кофе в ближайшей кондитерской. Даже чайник отсутствовал – чтобы смочить горло работникам приходилось идти к автомату в коридоре и сбрасывать мелочь ради заветной воды или стаканчика с дешевым чаем.

Временами Маргарита с придыханием смотрела на тех, кто по утрам шел мимо их офиса к лифту. Женщины в дорогих брючных костюмах, туфлях-лодочках, с идеально уложенными волосами. Недоступные идеалы, высшая каста.

Там, на верхних этажах, была настоящая жизнь. Там было издание «Гротхенских вестей» – газеты, издаваемой более тридцати лет. Они давно приобрели журнальный формат, завели себе сайты и аккаунты в социальных сетях. Их считали ведущим изданием в стране, им доверяли, их восхваляли. Получить там место – значит, сорвать куш. Там не пришлось бы писать про то, кто из знаменитостей родил, кто завел любовника, а у кого на очередной премии заметили отсутствие нижнего белья под платьем. Там Маргарита смогла бы писать о важных, настоящих вестях – моде, искусстве, знаменитых фестивалях. В «Гротхенских вестях» она бы расцвела, получила работу, о которой не стыдно говорить.

Но ей отказывали каждый раз, как она подавала заявку. Марго не сдавалась, писала новые материалы, приносила их в качестве пробных заданий и вскоре получала краткий ответ: «Извините, Вы нам не подходите». Поэтому ей оставалось только одно – наблюдать за тем, как кто-то

каждый день ходит на работу ее мечты, и чувствовать себя маленькой девочкой, что смотрит на платья для взрослых и вздыхает о том, как хочет поскорее вырасти.

Как последний из задержавшихся работник, Маргарита выключила остатки освещения, прошла по коридору к стойке охраны, где уже задремал очередной старичок, и повесила ключи на стену.

Ночной город сразу выплюнул на нее неоновый свет от вывесок, огни пролетающих мимо машин и гогот посетителей ближайших ресторанов. Она поежилась, поправляя воротник пальто, и молча побрела в сторону старых, покрывшихся трещинами маленьких домиков. В одном из них Марго и жила – на втором этаже трехэтажки, требовавшей капитального ремонта еще до ее рождения.

Деревянный порожек привычно скрипнул под ногами, канализационная вонь продрала нос, а скользкая от грязи лестница заставила вцепиться в хрупкие перила на подъеме.

Войдя в свою квартирку, Маргарита села на пол и вздохнула. С ее зарплатой она не могла позволить себе другое пристанище, и была уверена, что жилье Швеца выглядит в разы лучше. Он-то расположился почти в новостройке, да еще и близко к центру! А ей пришлось в свое время работать официанткой, чтобы собрать на первый взнос ипотеки. Утром Марго уходила на учебу, слушала лекции, писала пробные статьи для разных изданий, а днем, как только пары заканчивались, спешила в один из крупнейших ресторанов в городе – «Большой зал». Еще семь лет назад он был меньше, не имел таких жестоких требований к кандидатам, и позволял работать по индивидуальным графикам.

Нацепляя на себя бело-черную форму, девушка мечтала о том, как однажды придет сюда в качестве гостыи – богатая и знаменитая. Она представляла, как будет занимать место в крупном издании, как к ней будут прислушиваться тысячи людей, как ее будут приглашать на все закрытые мероприятия и вечеринки. Но сахарные мечты разбились одновременно с выпуском – разослав резюме по всем местным изданиям, она получила положительный ответ только в «Бульвар мэгазин». И то, Маргарита понимала, что ее взяли скорее из-за внешних данных, чем из-за слога. Главред всегда отпускал в ее сторону пошлые шутки и намеки, которые она терпела, потому что не могла найти работу получше.

Темнота коридора мутнела в усталых глазах. Маргарита вздохнула, почти через силу заставляя себя раздеться. Вот и прожит очередной бессмысленный день, потраченный на поиск лучшей жизни, иного смысла, второй половинки. Когда речь заходила о чувствах, Маргарита вспоминала свою последнюю влюбленность и искала, в ком бы поскорее раствориться, чтобы все забыть.

Он был из другого, недоступного мира. Он был неприступен, как древние крепости. Он был тем самым запретным плодом, к которому нельзя прикоснуться. Он был священником. Католическим – набожным служителем церкви. Отец Рафаил. Тот, на кого смотрела половина прихожанок, только потому что природа дала ему внешность, подходящую больше для модели или актера, но никак не для святого отца. Мягкие смазливые черты, теплый огонек в карих глазах, пепельные дорожки седины в дебрях угольно-черных волос. Высокий, подтянутый, такой красивый и запретный – до кончиков пальцев, до дрожи в коленках. Когда отец Рафаил говорил, Маргарита кусала губы, изнывая от желания прервать чертову проповедь, прийти к нему в исповедальню вечером и во всем сознаться.

Но она понимала, что ее влюбленность должна пройти, и потому последние два месяца специально ходила в другой костел. Там, среди ярких витражей и дубовых скамеек, она до стертых в кровь коленей молилась, прося Господа простить ее греховные желания и дать ей сил победить все искушения. Там же она каялась, прячась за решетчатой перегородкой, не называя имен. И в один прекрасный день Маргарита поняла, что отпустило. Что она больше не смотрит на отца Рафаила с вожделением, что больше не чувствует бабочек в животе, и не хочет быть с ним.

Но, как назло, теперь в ее голове раз за разом всплывал Швец. После рассказов Лори он уже не казался таким чудовищем, как изначально. Маргарита понимала, что детектив может быть груб из-за того, что никто не показал ему, как может быть иначе. Его разгульный образ жизни – всего лишь отражение того одиночества, что каждый вечер наступает Джона в квартире, напоминая о том, что другие в этом возрасте уже имеют семью и детей. А если надеть на него черную рубашку с закатанными рукавами, то он станет самым сексуальным мужчиной на свете.

Если бы только он был милее с ней... Она бы не раздумывая бросила все, чтобы ему помочь – показать, что кроме грязи есть и другой мир: теплый, полный любви и нежности.

Улыбнувшись своим мыслям, девушка поднялась и прошла вглубь квартиры. Она не заметила, как совсем рядом хрустнул деревянный пол. Напевая под нос какую-то популярную песенку, Маргарита кинула вещи на кровать и, растянувшись в одном белье на свежих простынях, довольно зевнула. Нащупав в темноте пульт от телевизора, женщина включила зомбоящик, чтобы раствориться в шуме сериалов и ночных новостей.

«Специальный корреспондент с места происшествия сообщает, что у Слепого появилась новая жертва. Девушка лет двадцати пяти на вид, худощавое телосложение, скорее всего, светлые волосы. Полиция пока не дала комментариев, но, судя по нанесенным травмам, жертва принадлежит объявившемуся в городе маньяку».

«О господи, Эсмеральда! Неужели этот ребенок от Антонио?! Как ты могла так поступить со мной, с Донной?!»

«С зубной пастой „Чистин“ вы навсегда забудете о зубном налете! Покупайте „Чистин“ в сети магазинов „Необходимость“ и получайте двойные бонусы за покупку»

«Распродажа! Распродажа! Магазин „Тв-клуб“ объявляет обвал цен! Скидки до девяносто девяти процентов! Успевайте! Предложение ограничено!»

«Жилой комплекс „Интроверт“ предлагает новый квартиры бизнес-класса! У нас нет детской площадки, мы открыли парковку и мини-парк! Продаем недвижимость только для одиночек и пожилых пар. Жилой комплекс „Интроверт“ – спрячься от шума и суеты прямо в центре города! Скидки покупателям с животными!»

«Доктор, он будет жить? Доктор, почему Вы молчите?! О боже, мой муж! Мой любимый! У нас осталось трое прекрасных детей! Дорогой!!!»

Наконец, устав переключать каналы, Маргарита поднялась с кровати и натянула на себя любимую розовую пижамку с зайчатами. Почти детский комплект навевал ей воспоминания о счастливом детстве, проведенном с отцом в маленькой деревне вблизи побережья. Там мистер Блэнк держал целую ораву крольчат, чтобы радовать любимую дочурку. Марго прыгала вместе с ними и смеялась, крича: «Папа, папа, я зайчик!». И он, улыбаясь, говорил, что это именно так.

Шум телевизора перекрывал другие звуки, поэтому девушка не услышала, как в темноте постепенно приближаются шаги. Деревянные половицы скрипели одна за одной, будто кто-то специально размеренно отбивал ими ритм. Когда Марго повернулась спиной к дверному проему, из темноты показалась чья-то рука. Девушка не успела сообразить, как ее нос и губы

оказались под резко пахнувшей мокрой тканью. Тяжелые пальцы неизвестного сомкнулись на ее горле, заставляя вдыхать неизвестный химикат.

Девушка попыталась вырваться, отбиться, не дышать, но назойливые пары заполняли легкие, и вскоре ее попытки освободиться прекратились. Обмякнув безвольной куклой, Марго осталась в руках похитителя.

Глава 6

Швец очнулся от яркого света, резко бьющего в глаза. Все тело ныло и болело, создавалось ощущение, что детектив совершил длительное путешествие пешком, а после по нему проехало несколько машин. Мужчина попытался вскочить, но что-то мешало. Как выяснилось позднее, его привязали армейскими ремнями к столу.

Попытка рассмотреть помещение наводила на мысль, что это подвал или склад – серые бетонные стены, какие-то бесконечные ржавые трубы, тяжелая железная дверь, и люди в белых халатах, мелькающие то и дело в разных местах. Один из них приблизился к Швецу, ухмыляясь.

– Ты меня слышишь? Ты понимаешь, что я говорю? Если да – кивни, – полнотелый брюнет склонился прямо над своим пленником, нагло рассматривая его лицо.

Джон кивнул, пересиливая боль в висках и сухость во рту.

– Отлично. Я зашивал твою спину. Поэтому ты привязан. Я отвяжу тебя, если ты будешь вести себя тихо.

– Кто ты такой? – прохрипел детектив, не совсем понимая, что произошло и какого черта его держат в подпольной больнице. Сознание постепенно прояснялось – драка, заточка в спину, темнота... Его привезли сюда, потому что невыгодно убивать. Прекрасно.

– Трупорез, – усмехнулся мужчина, и добродушно рассмеялся во весь свой беззубый рот. – Теперь ты должник, но не мой.

– Проклятая девица, – выдохнул Швец, закрыл глаза и задумался. Виктория поступила так, как мог бы любой другой на ее месте – забрала себе власть и оставила конкурента еще и в должниках. Теперь его жизнь принадлежит ей, пока он не искупит долг. Как и чем искупать детектив предполагал слабо, зато он точно знал, что если еще пролежит привязанным в этом подвале, то лишится не только возможностей, то и какой-нибудь конечности.

– Трупорез – это обращение? – прищурился Джон и попытался пошевелиться. Не вышло.

– Так точно, товарищ капитан! – снова расхохотался здоровяк, потихоньку развязывая ремни. – Ну и возни с тобой братец, ба! Думал – коньки отбросишь, пока доштопаю! Ух и прибавил ты мне седин!

– А почему такое имя? – бестактно поинтересовался Швец, через силу садясь и растирая запястья. Прежде чем он сможет сам выйти из этого помещения, пройдет какое-то время. Пустой желудок напомнил о себе зловредным урчанием и болью.

– Так хирург я, брат. А нас знаешь, как зовут в народе? Тру-по-ре-зы! Уж андцать лет на батюшку Августа работаю, та не жалуясь! Ты сиди пока, задохлик. Я тебе хавки принесу, поешь – и гуляй на все четыре стороны!

– Благодарю, – кивнул Джон, не торопясь менять положение. Трупорез направился куда-то вглубь помещения и скрылся из виду. Вскоре он вернулся с миской, наполненной картофельным пюре и чашкой чего-то мутного, напоминающего чай.

– Ваша овсянка, сэр! – расхохотался мужчина и поставил все на стол рядом с Швецем. – Жри давай, ресторанных изысков у нас не подают. Бюджет-с не тот, батюшки!

Джон молча заглотил несколько ложек пюре, даваясь им. На вкус оно напоминало известь, но жаловаться не приходилось – походу, другого ему предложить не могли, а возмущаться – остаться еще на неизвестный срок без пищи. Кое-как запив гадкое месиво, Швец смог встать. Стоять оказалось не так уж и просто – ноги слушались с трудом, заплетались, как у пьяного, то и дело спотыкались друг об друга. Трупорез подхватил несчастного, перекинул через себя и, проходя какими-то темными коридорами, вынес детектива на улицу.

– Дальше сам, у меня еще таких, как ты, задохликов, во! – хирург театрально ударил себя по шее, опустил Джона на землю и ушел.

К счастью, стояла теплая безлунная ночь, и глазам не пришлось привыкать к слишком яркому свету. В карманах было пусто – кошелек остался дома, машины у Швеца не намечалось, а такси просто так не довезет. Хромая, проклиная все живое, и придерживаясь то за стены домов, то за крышки мусорных баков, мужчина вышел к освещенному участку улицы и плюхнулся под фонарем.

Невыносимо хотелось курить, руки предательски мерзли, тело упорно не поддавалось контролю. Сознание то и дело норовило помутнеть и оставить Джона где-то в небытие, но, пытаясь собраться, он хватался взглядом за все что мог, лишь бы не вырубиться. Фонари напротив, трасса, деревья... Какие красивые звезды...

Наконец, на его счастье или беду, рядом с ним затормозила машина. Дверь открылась, из старенькой черной иномарки вышло тело, смутно знакомое по запаху и очертаниям. Наконец, когда свет упал на незнакомца, Швец признал в нем Лори. Девушка усмехнулась, помогла другу встать и затолкала его в машину так, как обычно пихают мешки с картошкой или любой другой провизией. В салоне авто было значительно теплее, чем на улице, работала печка, играла тихая музыка, передаваемая по радио в столь поздний час.

– Ну что, на Третью улицу, за девочками? – попытался пошутить замерзший мужчина, подрагивая то ли от нервов, то ли от холода.

– Нет, в участок. Ты мне невероятно вовремя попался, у нас новая жертва. Живая. Твоя знакомая, с ней сейчас работает Стэн. – Лори осторожно переключила режим обогрева, то и дело поглядывая на Швеца. «Интересно, что же его занесло в Промышленный в такой час? Судя по виду, досталось ему прилично... Семейные разборки?» – думала брюнетка.

– Вики? – прохрипел детектив, перебивая своим голосом размышления Лори.

– Нет, Маргарита. Вся в грязи, крови и без пальцев. Говорить не может, то плачет, то смеется, глаза безумные. Бедная девочка, – вздохнула мисс Грей и завела машину. – Ехать будем долго, так что успеешь подремать. Устраивайся поудобнее там, под сидением даже где-то валяется плед.

Швец послушно закрыл глаза и задумался, не рискуя ковыряться под сидением у полицейской – в прошлый раз ему пропоролло руку вешдоком-скальпелем, он наткнулся на целый склад фантиков, оберток, пустых стаканов и чего-то, напоминающего отдельную цивилизацию со своими устоями.

Больше всего мужчину беспокоила связь между маньяком и Маргаритой. Почему эта проклятая наглая журналистка стала жертвой? Разве она католичка? Ходила ли она в тот же костел, что и остальные жертвы? Каких пальцев она лишилась? Почему ей удалось сбежать и как? Не пошлет ли девица на ложный след? Остались ли у нее на теле следы борьбы? Сможет ли она показать, где именно на нее напали и куда увезли? Понятно, что посреди бела дня никто не нападает на известных личностей – тем более, на таких легкомысленных и любвеобильных. Вероятно, маньяк – ее знакомая или знакомый? Попробовать допросить ее лично? Но разрешение никто не даст. Оформлять официально бумаги... Законы Гротхена позволяют или нет?

Когда Лори толкнула Швеца, он не сразу понял, что она говорит.

– Выходим, товарищ детектив, – добродушно улыбнулась девушка.

– Да, мой капитан!

– Вообще-то, меня могут повесить до главы отдела, если мы закроем это дело, – проворчала Лори. Она давно претендовала на повышение, но все не попадалось возможности проявить себя.

Они вышли, оказавшись прямо у дверей участка.

В свете фонарей дома Карноби-стрит казались зловещими монстрами, мечтающими затянуть кого-нибудь в свои бесконечные пасти, закрытые решетками и клетками. Где-то в подворотнях приглушенно звучали голоса, любители ночных прогулок прятались от офицеров,

скрывая в бумажных пакетах вино и дешевый портвейн, последние ночные бабочки суетливо искали клиентов.

Гротхен по ночам превращался в огромный и добрый дом для бродяг, воров, проституток, подростков, беспризорников и нищих. Каждый темный угол мог таить в себе временное пристанище для того или иного человека, не выходящего в слепящие лучи дня. Рассвет смывал собой толпу, одни расходились по домам, другие – по подвалам, кого-то же ждали на окраинах среди складов. Утро – время другой публики, вереницы школьников, студентов, рабочих и пенсионеров.

Швец молча проследовал за Лори, обходя коридоры и кабинеты, в которых сонно и лениво передвигались офицеры. Наконец, они оказались в самом дальнем, угловом.

В глубоком черном кожаном кресле сидела Маргарита, молча глядя куда-то в пустоту. Белые волосы слиплись между собой, перепачканные грязью и кровью. Лицо, искаженное ужасом, казалось, постарело на годы вперед. Бледная кожа выглядела пурпурной из-за следов пальцев, веревок и царапин. То, что было когда-то прекрасным платьем, свисало бесформенной, грязной, вонючей тряпкой, скрывающей интимные места. Босые ноги чернели на общем фоне. Девушка дрожала, упорно пытаясь скрыть одной ладонью другую. Ее изящная, нежная девичья рука, кажущаяся прекрасной, несмотря на налет повреждений, лишилась мизинца и безымянного пальца. Аккуратно заштопанные места выглядели не так плохо, как могло бы смотреться голое мясо, открытое для гноя и инфекций. Убийца явно позаботился о том, чтобы жертва скончалась именно от его рук, а не болезни. Морфий в крови притуплял боль.

Швец посмотрел на нее – убитую шоком, растерянную, израненную, и почувствовал тот неясный порыв, который возникает у доброго человека при виде брошенного котенка – ему вдруг захотелось отмыть Маргариту, забрать ее с собой, согреть ее холодные ступни и укутать в плед. Подобные нежности застали детектива врасплох, он помотал головой, пытаясь отогнать от девушки образ несчастного животного, но не получилось. Швец сам был предан, растерзан и растерян, поэтому на секунду между ними возникла какая-то мифическая связь, какое-то странное понимание вещей, неведомое остальным. Джон попросил Лори сделать какао для потерпевшей, вручил чашку Маргарите и погладил ее по волосам.

– Мисс Блэнк, Вы можете не давать сегодня показаний, если это тяжело. Мне кажется, Вам нужно отдохнуть.

Девушка кивнула, а затем молча и благодарно посмотрела на Швеца. Ее хотелось защитить любым способом. Во всяком случае, сейчас, этой ночью, когда мужчина может позволить себе немного слабину. Утром, возможно, решение притащить женщину в свое жилище покажется абсурдным – она ему даже не половая партнерша, но это будет утром, далеко, очень далеко от настоящего.

Как в тумане Швец забрал Маргариту на руки под бурное возмущение Лори, что «не положено» и «есть же программа защиты, чем он думает, козел самодовольный», но все это казалось шумом и бредом. В конце концов, офицерша оплатила им такси и поехала с ними.

– Ты же женщина, ты можешь ей помочь хотя бы привести себя в порядок. Я ничерта не понимаю в ваших бабских штучках, – заявил Джон.

– Смотрите, наш дамский угодник вспомнил, что я женщина! Джонни, ты нарушаешь как минимум несколько законов сейчас!

– И ты меня покрываешь, – усмехнулся брюнет в ответ.

– Я спасаю девушку от твоих домогательств, – парировала Лори.

– Лори, я не такой козел, чтобы трахать потерпевшую. Тем более – живую.

Оставшийся путь они преодолели молча, вплоть до коридора в квартире Швеца.

– Боже, что за бардак! Ты вообще убираешься? Мог бы попросить помощи, раз не справляешься! – воскликнула Лори, переступив порог. На нее явно произвели впечатление разбро-

санные записи, бумаги, пепел и окурки. Джон не стал упоминать, что все это – следствие борьбы между ним и Викторией. Не обязательно же обо всем докладывать властям.

– Не ори и помоги ей, – проворчал мужчина, проходя до ванной, все еще держа на руках Маргариту. Давалось ему это уже довольно тяжело, и, когда добродушная брюнетка забрала журналистку себе в руки, он выдохнул спокойно. – Короче, все, что найдешь в шкафу – бери. Я оставляю вас, дамы.

Пошатываясь, проклиная все живое и мертвое, Джон дошел до дивана и упал лицом вниз. Спать, спать, спать. Больше никаких попыток построить из себя героя, больше никаких походов. Спина болела, кости ломило, и цвета, показавшись неестественно яркими, вдруг погрузились во тьму.

Глава 7

Нежная девичья фигура смутно проглядывается под тканью рубашки. Швец протирает глаза, чтобы понять, что за нимфа доверчиво уснула рядом с ним, и, осторожно прикоснувшись к золотым волосам дамы, обнаруживает, что это Маргарита легла к нему, пока он боролся с кошмаром. Спящая, теплая и нежная, она кажется ему еще беззащитнее, чем ночью. Джон встает, стараясь не потревожить ее сон, заботливо укрывает одеялом и садится в кресло напротив, закуривая из ближайшей валяющейся пачки. Выгонять девушку совершенно не хочется. Швец бросает на нее беглые взгляды, стараясь не поймать себя на том, что любит ее. Странное томление, являющееся одним из первых знаков зарождения любви, накрывает детектива с головой.

Маргарита красива, несомненно, красива – даже после пережитого стресса. Ее хочется любить, жадно и грубо, нежно и долго – так, как только возможно. Демоны в голове Швеца смеются. С этого момента он совершенно туп и бесполезен, он болен отвратительным древним недугом – влюбленностью. Теперь его расследование пойдет в тупик, его финансам настанет конец, его свободе придет крышка. Все. Джон пропал. Бессмысленно и безнадежно.

Еще не осознавая своего горя и своей проклятой участи, детектив поднимается и медленно идет на кухню, чтобы впервые за много лет приготовить завтрак для себя и женщины, с которой он не занимался сексом. Блинчики, разумеется, подгорают через раз, а кофе выходит слишком крепким, но это не мешает Швецу ощутить себя хозяйственным. Когда он заканчивает разливать кофе по чашкам, Маргарита появляется в дверном проеме, сонно смотрит на него и улыбается.

– Вы угостите даму завтраком?

– Как Вы догадались? – улыбается мужчина, садясь за стол. – Прошу.

Блондинка, кажется, не замечает проблем с его стряпней, и они даже умудряются о чем-то поговорить.

– Куда делась Лори?

– Поехала в участок. Ей не хотелось меня оставлять, но я заверила ее, что Вы не будете меня обижать.

– Какая наивность! – усмехнулся Швец. – С чего Вы взяли, что я не стану грязно к Вам домогаться? В прошлый раз я признавался, что с радостью бы Вас трахнул.

– Может, потому что я – женщина, которой удалось сбежать от убийцы? Или потому, что я вижу, что Вы не тот, кем хотите показаться?

– Да неужели? – снова усмехнулся Швец, допивая кофе. – Не пытайтесь выглядеть самой умной. Вы готовы дать показания?

– Вам я ничего рассказывать не буду.

– Я работаю по этому делу! – прикрикнул детектив, ударив по столу кулаком.

– Без присутствия адвоката я не буду никому ничего говорить. Я же знаю, что меня могут обвинить во всех убийствах. Тем более, Вы не офицер, – Маргарита откидывается на спинку стула и зевает. – Вы выспались? Может, пообедаем днем?

– Только за Ваш счет, – ухмыляется детектив, пытаясь скрыть радость. Она ему нравится, чертовски нравится, и это читается во взгляде.

– Идет, – отвечает девушка и смеется.

Шведу остается только догадываться, о чем она думает, заимствуя у него одежду и обувь, занимая деньги на проезд, целуя на прощание в щеку. Маргарита исчезает, оставляя после себя еще больший беспорядок, чем был до нее. Джон устало раскуривает очередную сигарету, старательно подготавливая список вопросов, которые задаст Лори по приезду в участок. Только

получив все ответы, удастся составить хотя бы мутную картину происходящего, и, главное – набросать предположительный портрет маньяка.

Когда чего-то ждешь, время кажется невыносимо медленным спутником. Швец попытался прибраться в своей квартирке, но передумал после первой же пепельницы. Пересчитал наличные – по идее, до конца месяца точно проживет. Все равно оставалось еще достаточно времени – ему необходимо было дождаться звонка или появления Лори, остальные не хотели с ним работать. Из всех офицеров Джон знал троих.

Ричард Уильямс – рыжий парень, который учился вместе с ним и Лори на одном курсе, сразу после практики остался работать помощником, а потом добился должности повыше. Сутками роется в каких-то бумагах, не понятно чем, но все время занят. Изредка курит, чаще – плюется. Ненавидит все живое, все мертвое обожает и чуть ли не благословляет. Ходят слухи, что в прошлом хотел стать патологоанатомом, но у него были слишком сложные отношения с химией, и Ричард отказался от своей мечты. Рыжий недолюбливал Швеца по одной простой причине – Швец не был трупом, постоянно маячил перед носом и довольно бесцеремонно вламывался в участок. Пару раз офицер грозился пристрелить детектива, но тут же получал по голове от Лори и бежал жаловаться к Нику – единственному человеку, которого Уильямс считал достойным уважения.

Ник Эверсон – трудяга-красавчик, гроза всех неопытных девиц и уставших домохозяек. Он постоянно сгрызал карандаши, действительно много работал и раскрывал самые сложные дела. В его квартире вместо обоев были расклеены фотографии трупов, временами – просто каких-то отдельных увечий или болезней, глядя на которые обычному человеку захотелось бы прочистить желудок и спрятаться. Ник смеялся так, будто все зло в мире сосредоточилось в его смехе. Швец казался ему конкурентом, надоедливой мухой. Эверсон искренне недоумевал каждый раз, как Джону удавалось раскрыть какое-то дело.

Третий из офицеров не любил детектива по более личным причинам – старейший из сотрудников, мистер Бэн Левески, когда-то имел неудачный опыт общения с Августом, названным отцом Джона. Он собирался выходить на пенсию, поэтому на его место претендовала Лори. Говорили, что кто-то тоже готовился к экзаменам и тестированиям, но громкое дело, которым занималась мисс Грэй, давало значительные преимущества перед конкурентами.

Стэн, штатный медик, не имел права проводить кого-то. Он неплохо относился ко Швецу, периодически обменивался с ним какими-то шутками или фотографиями интересных тел. Стэн мог бы провести Джона, если бы всех посетителей не записывали в особый журнал, где указывали фамилию офицера, к которому они пришли, и позднее он расписывался в соответствующей графе.

Наконец, когда время близилось к полудню, раздался звонок. Швец взял телефон, надеясь услышать голос Лори, но, к его удивлению, звонящим оказался совершенно другой человек.

– Малыш, есть работа для тебя, – прохрипел знакомый бас Белоухого. – Надо кое-что разобрать и доставить, на молодняк не рассчитываю.

– Когда, сколько?

– Я заеду за тобой в полночь. Пятьсот, расстояние близкое.

– До связи, – выдохнул мужчина, даже не думая возразить. Деньги не бывают лишними – не важно, каким путем они достаются. Главное – чтобы они были. Расспрашивать о подробностях по телефону – заранее открывать на себя же дело. Детектив был полностью уверен, что его телефон прослушивает и полиция, и «отец».

Спину снова кольнуло, и Джон опустился в кресло, проклиная все еще ослабленный после операции организм. Как он смог вынести Маргариту вчера, если сам едва стоял? На одной силе воли? Ему это приснилось? Не сорвет ли он дело, если его самочувствие не станет хотя бы немного лучше? Почему нет никаких данных о причине смерти прошлой жертвы?

Но следующий звонок, уже от Лори, не дал ему времени на раздумья. Пришлось срочно собираться и выезжать в участок.

Глава 8

Ложка медленно утопала в коричневом сахарно-кофейном месиве, забывтая Швецем внутри чашки с тем «полуфабрикатом», в который он чуть позже нальет воду и молоко, разбавив сироп до консистенции, пригодной для питья.

Детектив находился в служебном помещении, разделенном надвое стеклянной зеркальной перегородкой, через которую доносились все звуки, но не было видно ту часть комнаты, где Швец сидел с Лори. По другую сторону располагался стол, три стула, штатский психолог Джанин и Маргарита. Последняя ютилась на краешке стула – бледная, растрепанная, застенчиво прячущая под одной ладонью другую, чтобы не показать отсутствие двух пальцев. По ее словам составят отчет, решат, была ли ложь в чем-то, и допросят позже еще раз.

– Бедная девочка, – устало вздыхает Лори, разглядывая Маргариту с неподдельной жалостью. – А она ведь тоже католичка, представляешь? Я говорила с отцом Рафаилом, он отзывался о ней очень лестно.

– Когда же ты успела пообщаться с ним, сладенькая? – усмехнулся Швец, разбавляя пригорное месиво в чашке.

– Пока Ваше Величество лучший детектив Гротхена грел задницу в своей постели, вот когда, – не без упрека отозвалась брюнетка.

– О, как же ты перетрудилась, дорогая! – рассмеялся ее собеседник. – Ты вообще спишь когда-нибудь?

После минутного молчания Джон вздохнул и оглядел Лори: бледное и распухшее лицо, красные глаза, черно-синие круги под ними, грязные волосы.

– Не спишь, – заключил он после увиденного.

– А как мне спать, пока в городе такое происходит?! Выжившая жертва! Журналист! – вспыхнула Лори, а потом добавила, чуть спокойнее:

– Удивительно, что эти стервятники еще не атаковали участок. Кстати, что ты делал в районе катакомб?

– Спину латал. Одна взбалмошная девица пырнула меня в ребро.

– Вики?

Джон промолчал.

– Все еще злится, да? – участливо поинтересовалась Лори. Она помнила, как Швец рассказывал о своей «сестре» и о том, что та его считает предателем из-за выбора профессии вне «семьи».

– Еще бы! Цветастиком, сука, называет, – фыркнул детектив. – Не понимает разницы! Я никого не сажаю, я никого не притесняю и не требую ничего такого, что требуете вы. У меня просто поисковая функция, как у сайтов в интернете. Кто-то сказал – я ищу и получаю деньги, все! Я разгадываю загадки и просто ищу! Но разве ей что-то объяснишь? Разве она поймет?

– Тише, тише, – брюнетка хлопнула Швеца по плечу. – Смотри, к нам идет Джанин.

И правда: женщина поднялась со стула и, открыв специальной карточкой припрятанную в перегородке дверь, вышла наружу.

– Я думаю, что Маргарита не лжет. На фоне стресса говорит очень быстро, нервничает, путается в словах, меняет буквы местами и запинаясь. Ей необходимо наблюдение в стационаре, доктор Хардсон мог бы позаботиться об этом. Мне удалось выяснить, что наш подозреваемый блондин средних лет с зелеными глазами, и у него шрам через щеку. Судя по описаниям местности, он держал ее в здании старого вокзала.

– Поняла, – кивнула Лори, и, вынув из нагрудного кармана рацию, заговорила. – Всем постам, отделение три-ноль, объявляю план «Перехват», повторяю, всем постам, план «Пере-

хват». Блондин средних лет, шрам через щеку, телосложение неизвестно. Брать живым, повторяю, брать живым. Отбой.

– Я могу поехать с Марго? – поинтересовался Швец.

– Сейчас не время для твоих игр в мачо! – рыкнула Лори.

– Я хочу ее защитить! Она в жалком состоянии – думаешь, сама дойдет?

– Ты себя защитить не можешь, Джон Швецкий! Ты сам в жалком состоянии!

– Лори права – Вам не стоит ездить с потерпевшей. Займитесь своими обязанностями и отправляйтесь на место преступления, – вмешалась Джанин.

– Может, вы вместо меня заодно и искать кого-то будете? Я должен сам услышать запись ее показаний, увидеть и поговорить лично. В этом городе есть только один блондин со шрамом через щеку, и он явно никого этой ночью не калечил.

– Займись делом, Джон! Соберись! – Лори закричала так, будто находилась в шаге от нервного срыва. – Все нужные бумаги на моем столе. Если к моему приходу ты не сделаешь что-нибудь полезное – не пущу тебя в участок.

– Ладно, ладно, – недовольно прохрипел Швец, не вставая с места. Мужчина устроился на стуле поудобнее и устало закурил.

Здание старого вокзала находилось в центральном районе, среди умирающих библиотек и книжных залов. Прежде в этих местах не совершалось ни одного преступления.

Остальные четыре жертвы были разбросаны по другим частям города. Возможно ли, что новое убийство следует ожидать на юге? Есть ли траектория движения у убийцы?

Швец поднялся, приблизился к карте Гротхена, висящей на стене, после чего сделал пометки о местах и соединил их. Получилось нечто вроде ровного прямоугольника с точкой посередине. Костелы находились не так далеко от мест убийств, как казалось на первый взгляд. То есть, жертв могли ловить по пути в церковь либо из церкви? Почему официально не допросили отца Рафаила, если он вел службы везде, где молились жертвы? Нужно попросить Лори сделать это – сразу, как она вернется в участок.

Если маньяк выглядит так, как описала Маргарита, не мог ли он замаскироваться для того, чтобы скрыть свою личность? Старые выпускники школы искусств умели создавать свои лица заново с помощью грима. Почему бы не поднять их архивы, расспрашивая о самых талантливых? Мужчина средних лет – значит, необходимы дела двадцатилетней давности. Мог ли он знать Белоухого, чтобы выбрать такую внешность? Есть ли здесь какой-то личный мотив?

И от чего же в итоге умирают жертвы, если не от травм? Увеличение дозы морфия? Удушение? Почему заключения экспертов Швец еще не видел? Это кому-то не выгодно?

Детектив включил телефон, зашел в галерею и решил просмотреть изображения с выезда. Так, лицо без глазниц, грязные волосы, шея... Синяя. Но несколько темнее, чем остальные части тела. Есть ли след укола? Нужно вызвать Стэна и попросить бумаги со всех жертв. Он-то точно знает, что унесло жизни на самом деле.

Швец закрыл фотографии и набрал Лори. Девушка долго не брала трубку.

– Я еду с патруля обратно. Скоро буду. Ты что-то хотел?

– Кажется, я начинаю разбираться, в чем дело.

– Отлично! – даже по голосу было слышно, как Лори довольна.

Детектив отложил телефон, и посмотрел в пустую чашку. На дне булькали остатки исходной кофейно-сахарной смеси.

Прошло примерно минут десять, прежде чем Лори вернулась в кабинет. Она положила на стол пакет, облокотилась на стену и устала на Швеца.

– Что нужно?

– Мне необходимы все последние заключения Стэна. Я подозреваю, что смерти были от передозировки морфия, а не от увечий. После этого – список всех аптек и подпольных

дельцов, которые им торгуют. Насколько я знаю, препарат довольно устаревший, и найти его тяжело.

– Окей, – кивнула девушка. – Еще?

– Еще... Да! Допроси официально священника. Меня напрягает то, что он знал всех жертв и работал везде, где рядом были найдены тела. Если допрос ничего не даст – запрашивай у колледжа искусств дела выпускников, примерно 10—20 лет назад. Нужны самые талантливые. Соври что-нибудь, а то эти придурки за своих пекутся больше, чем ты за баб.

– А это тут причем?

– Притом, что лицо можно нарисовать. Волосы – парик. Шрам – грим.

– С чего ты взял? – Лори села, достав из пакета коробку печенья. Она пододвинула ее к детективу, молча предлагая угощаться.

– С того, что, как член обратной стороны структуры, я знаю в лицо большую часть города. И описание жутко похоже на того, кто никогда не убьет ребенка или женщину для утехи. Его хотят подставить, но зачем? По своим каналам мне тоже нужно кое-что пробить. Возможно, мы нападём на след в ближайшее время.

– Но описание уже есть! Отпечатки! Мы уже напали на след!

– Вот именно поэтому ты не глава отдела, – усмехнулся Швец. – Вспомни, сколько раз только в нашей практике в первый раз брали не того, кого нужно. Скольких казнили до того, как я нашел «Кошачьего ангела»? Скольких студентов-наркоманов забили до смерти, пока я не отыскал этих Эмили и Ника? Правда он все равно умер, как и все, кто потребляют. Говорят, кричал так, что стены дрожали.

– Ладно, ладно, – начала сдаваться Лори.

– С тебя самая отвязная шлюха с этой улицы, если я окажусь прав!

– Извращенец! – фыркнула брюнетка, вызывая медика в свой кабинет.

Стэнли Уилфорд упорно пытался не заснуть рядом с телом очередной проститутки, когда из рации раздался голос его коллеги. Мужчина поправил свои растрепанные седые волосы, съехавшие очки, одернул халат. Едва не забыв оставить инструменты и убрать тело в специальный холодильник, штатный медик все-таки забрал бумаги из-под операционного стола и направился вниз, в отделение полиции. Его лаборатория находилась на третьем этаже участка, и непосвященные не знали, что она вообще существует. Потайная лестница скрывалась посреди бесконечных шкафов архива так глубоко, как никто никогда не заходил. Но пыльный путь постоянно приходилось проходить Уилфорду.

Ему было тридцать два, но внешне он уже постарел. Два года назад его жену и дочь убили. Тела привезли именно в его лабораторию, в середине смены. Красавица Элин и малышка Фиби были сшиты друг с другом. Кто-то отрезал им волосы, перешил их лица, выпустил внутренние органы и зашил заново. Кто-то уже провел вскрытие. И выбросил их, как надоевших кукол. Именно поэтому Стэн постоянно дрожал, дергался, и двигался довольно резко.

Работа ему нравилась, и он не смог с нее в итоге уйти. Полгода реабилитации – и снова в строй. Стэн пообещал себе, что больше не упустит ни одной причины смерти. Так и происходило. Поэтому когда мужчина принес бумаги Шведу и Лори, тем не пришлось гадать, прав детектив в своих догадках или нет.

– Морфий! Бинго! – рассмеялся Джон, подбросив бумаги. – С тебя шлюха, поняла?

– Отстань! – обиженно фыркнула Лори. – Сам себя удовлетворяй! Или попроси у Стэна ключи от морга.

– Да, как раз привезли одну, – усмехнулся медик. – В твоём вкусе, не отказывайся!

– Дебилы, – фыркнул Швец. – Сделаешь запросы, пирожочек?

– Окей, – кивнула девушка.

– Тогда я пошел. У меня еще куча дел. Набери меня сразу, как соберешь все необходимое, – детектив наконец-таки поднялся и пошел сквозь вереницу дверей и коридоров, чтобы выйти на улицу.

Карноби-стрит заливал дождь.

Глава 9

Когда Августу было семнадцать, его отец сказал:

– В твои руки перейдет все, чем я владею. Но есть одно условие.

Белокурый юноша лениво что-то размешивал в стакане молока, активно делая вид, что не слышит обращения. Август Люциус Первый продолжил.

– У тебя не должно быть семьи кроме тех, кто на тебя работает. Жена и дети – это, конечно, прекрасно. Но ты сам знаешь, чем это закончилось для меня.

– Прекрати, – вздохнул парнишка, отложив ложку с характерным звоном. – Я не хочу разговаривать о делах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.